
Ассоциация исследователей российского общества
(АИРО-XXI)

Институт русской и советской культуры им. Ю.М. Лотмана
Рурского университета

**АИРО
XXI**

**Международный совет научных проектов
и издательских программ АИРО**

Геннадий БОРДЮГОВ	Руководитель
Андрей МАКАРОВ	Генеральный директор
Сергей ЩЕРБИНА	Арт-директор
Карл АЙМЕРМАХЕР	Рурский университет в Бохуме
Дмитрий АНДРЕЕВ	МГУ им. М.В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ	Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ	Печский университет
Владимир БЕРЕЛОВИЧ	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Бернд БОНВЕЧ	Рурский университет в Бохуме
Ричард БУРГЕР	INTAS, Брюссель
Харуки ВАДА	Фонд японских историков
Людмила ГАТАГОВА	Институт российской истории РАН
Пол ГОБЛ	Фонд Потомак
Габриэла ГОРЦКА	Центр «Восток–Запад» Кассельского университета
Андреа ГРАЦИОЗИ	Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ	Московская школа экономики МГУ
Ричард ДЭВИС	Бирмингемский университет
Алан КАСАЕВ	МГЛУ
Стивен КОЭН	Принстонский, Нью-Йоркский университеты
Джон МОРИСОН	Лидский университет
Игорь НАРСКИЙ	Южно-Уральский государственный университет
Норман НЕЙМАРК	Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ	Университет Северной Каролины, Чепел-Хилл
Борис СОКОЛОВ	Русский Пен-центр
Такеси ТОМИТА	Сейкей университет, Токио
Татьяна ФИЛИППОВА	ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН
Ютта ШЕРРЕР	Высшая школа по социальным наукам, Париж

«ЗАПАД КАК ВРАГ»:
реанимация исторического мифа
или новая реальность?

Материалы Семинара
22 октября 2014 г.

Под редакцией
Карла Аймермахера и Геннадия Бордюгова

Москва
2014

Дизайн и верстка: Сергей Щербина.

«Запад как враг»: реанимация исторического мифа или новая реальность? Материалы Семинара 22 октября 2014 г. / Под редакцией Карла Аймермахера и Геннадия Бордюгова – М.: АИРО-XXI, 2014. – 128 с., илл. – ISBN 978-5-91022-280-3.

ISBN 978-5-91022-280-3

© АИРО-XXI, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Две модели реальности 9

Первое заседание

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МИФА

Сергей Сергеев. «Запад как враг» в русской общественно-политической мысли: от преддверия Крымской войны до «лихих девяностых» 12

Татьяна Филиппова. «Враг с Запада» – мифологема в контексте исторических и культурных смыслов 23

Вопросы и комментарии 37

Второе заседание

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ МИФА:

ПРИРОДА И СТРУКТУРА

Александр Люсий. Не сотвори себе Запада 51

Владимир Карпец. Самодиагностика и хирургия 64

Вопросы и комментарии 69

Третье заседание

МИФИЧЕСКОЕ В «ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙНАХ»

Глеб Павловский. Историзация и политизация идеологии: две стороны мифа 83

Дмитрий Андреев. На информационном фронте без перемен: невыученные уроки холодной войны 89

Вопросы и комментарии 106

УЧАСТНИКИ ДИСКУССИИ

Андреев Дмитрий, первый заместитель главного редактора научного и общественно-политического альманаха «Развитие и экономика»

Беленкин Борис, директор библиотеки Международного Мемориала

Бомсдорф Фальк, руководитель Московского Бюро Фонда Фридриха Науманна в 1994–2010 гг.

Бордюгов Геннадий, руководитель Международного совета научных проектов и издательских программ АИРО

Варская-Чечель Ирина, шеф-редактор Gefter.ru, руководитель образовательных программ Фонда эффективной политики

Гатагова Людмила, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Гуляев Сергей, научный сотрудник НИЦ АИРО-XXI

Карпец Владимир, член Союза писателей РФ

Ким Екатерина, аспирант Новосибирского государственного университета

Ким Елена, обозреватель «Российской газеты»

Ланин Борис, заведующий лабораторией литературного образования Института содержания и методов обучения Российской академии образования

Ланина Лана, магистр социологии, Европейский гуманитарный университет, Вильнюс

Люсый Александр, старший научный сотрудник Института наследия

Макаров Андрей, генеральный директор Правления АИРО-XXI

Павловский Глеб, президент Фонда эффективной политики

Прошина Елена, обозреватель «Российской газеты»

Сергеев Сергей, научный редактор журнала «Вопросы национализма»

Симиндей Владимир, руководитель исследовательских программ Фонда «Историческая память»

Соколов Борис, член Пен-клуба

Тойменуев Сергей, доцент МГГУ им. М.А. Шолохова

Филиппова Татьяна, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН

Щербина Сергей, арт-директор АИРО-XXI

ДВЕ МОДЕЛИ РЕАЛЬНОСТИ

Предисловие

Карл АЙМЕРМАХЕР, Фальк БОМСДОРФ, Геннадий БОРДЮГОВ

В течение последних 15 лет Ассоциация исследователей Российского общества (АИРО-XXI) совместно с Лотмановским институтом Рурского университета в Бохуме и Московским бюро Фонда Фридриха Науманна вели мониторинг мифов и мифологии в постсоветской России. Результаты проектов и международных конференций в Шуе (1999) и Москве (2008) были представлены в изданиях «Мифы и мифология в современной России» (М.: АИРО-XX, 2000), «Старо-новые российские мифы: кризис знания или сознания?» (М.: АИРО-XXI, 2009) и получили положительную оценку.

На этот раз организаторы проекта предложили коллегам всесторонне обсудить лишь один миф. И дело не в том, что самые популярные (традиционные и рукотворные) мифы базируются на мифе «Запад». Актуальные события текущего года еще раз подтвердили, что он включает в себя ряд взаимоисключающих конструкций (к примеру, демонизация или идеализация), периодически вытесняющих друг друга на периферию сознания. Очевидны и функции этого мифа – самоопределение и ориентация, с одной стороны, оборона и разграничение с внешним миром – с другой. Отталкиваясь от того, что мы думаем и как мы думаем о Западе, можно многое понять о состоянии общества и о структуре восприятия самих себя.

Цель нашей дискуссии – активизация процесса осмысления актуального мифа и его структуры, понимание вообще тенденций демифологизации или ремифологизации, противоборства рационального и иррационального. Крайне важным является и аспект сознательной деятельности политической и духовной элиты по «присвоению мифа», мобилизации мифологического сознания людей, развитости социального чувства и проектного мышления власти.

Исходные постулаты, высказанные нами на предыдущих форумах, действенны и сегодня, потому что процесс мифологизации современной политики продолжается, а попытки деконструкции мифов со стороны интеллектуалов крайне редки и практически незаметны. Повторим известное: в архаике миф – модель реальности, вне которой нет другой реальности, миф – это схематическое представление и понимание сложнейших процессов в мире, определение жестких норм, что положено или не положено, т. е. запрещено и даже наказуемо. А значит, «реальность», представленная мифами, не обсуждается, не подвергается сомнению. Возможность изменить эту «реальность» в принципе не допускается, более того, все, что находится вне этой «реальности», объявляется враждебным.

Однако рядом с мифологической «реальностью» существует «реальность» историческая. Обе эти «реальности» конкурируют между собой, поскольку представляют разные модели действительности. Для историка «реальность» мифа – нереальна, выдумка, но даже выдавая свою картину прошлого как объективную, ученый может столкнуться с её опровержением на основе обнаружения новых фактов, что невозможно для канона. Поэтому модели мира, действительности историка и создателей политических рукотворных мифов принципиально отличаются друг от друга. Если архаическая модель сверхстилизирована, схематична, в ней преобладают бинарные оппозиции (прав – не прав, допустимо – не допустимо, позволено – запрещено и др.), то историческая модель опирается на противоположные принципы: мир не есть данность, он постоянно изменяется, реконструируется; невозможны упрощенный схе-

матизм и оценочная стилизация – все под вопросом, все подвергается сомнению; познание бесконечно.

К сожалению, современные рукотворные мифы базируются на принципах архаики, которые во многом совпадают с пропагандистскими технологиями, призванными манипулировать сознанием людей – ничто не должно подвергаться сомнению, есть только одна правда, попытки оспорить ее пресекаются.

Исходя из этих подходов, участникам Семинара – а среди них представители разных научных школ, университетских центров, СМИ, фондов и творческих союзов – было предложено обсудить три аспекта старо-нового мифа «Запад как враг» – его исторические аспекты, природу и структуру реанимации, философию и технологию его проникновения в информационные войны.

Открытие семинара

Ведущие Семинара Фальк Бомсдорф и Геннадий Бордюгов, приветствуя участников дебатов, рассказали об истории проекта и его смысле, привлекли внимание к тем исходным постулатам, которые изложены в Предисловии к материалам сборника.

Первое заседание

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МИФА

Сергей Сергеев

«Запад как враг»

в русской общественно-политической мысли:
от преддверия Крымской войны
до «лихих девяностых»

Наверняка тот материал, который я изложу, не будет новостью для большинства присутствующих, но, во-первых, он совершенно необходим для введения в тему, а во-вторых, он показывает, что современные идеологические концепты русской мысли, в общем-то говоря, далеко не новость, и мы увидим много чего знакомого. Вообще тема русского антизападничества велика и обильна, какие-то декларации можно найти и в Киевской Руси, хотя в целом этот период далек от

цивилизационного противостояния России Западу, но представляется, что создание образа Запада, как коллективного и экзистенциального врага России – заслуга 1840-х годов, времени, когда империя Николая I, претендовавшая на роль европейского гегемона, с удивлением обнаружила свою непопулярность в общественном мнении Запада, свидетельством чего стала в частности известная книга Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году» (1843), но впрочем, еще до появления книги, в 1841 году один из идеологов так называемой официальной народности С.П. Шевырев в статье «Взгляд русского на современное образование Европы» написал о том, что «Запад... забыв прежние добро наше, забыв жертвы ему от нас принесённые, при всяком случае выражает нам свою нелюбовь, похожую даже на какую-то ненависть, обидную для всякого русского, посещающего его земли». Слова «враг» по отношению к Западу в этой статье нет, но он представлен как смертельно больной человек, могущий заразить своей болезнью Россию: «...в наших искренних, дружеских, тесных отношениях с Западом мы не примечаем, что имеем дело как будто с человеком, носящим в себе злой, заразительный недуг, окружённым атмосферой опасного дыхания. Мы целуемся с ним, обнимаемся, делим трапезу мысли, пьём чашу чувства... и не замечаем скрытого яда в беспечном общении нашем, не чуем в потехе пира будущего трупа, которым он уже пахнет!»

Но все же окончательно, как мне кажется, целостный образ Запада как врага сформировал такой выдающийся деятель русской культуры, как наш великий поэт Ф.И. Тютчев. Именно в его работах конца 40-х годов основы этой идеологемы были созданы. Причем обычно считается, что решающее влияние на создание этого образа имели европейские революции 48–49 годов, это во многом так, но все же требует уточнения. По крайней мере, Тютчев обдумывал её как минимум на несколько лет раньше. В записке на имя Николая I (1845) он писал о России как о наследнице православной Византии, противостоящей Западу, руководимому католическим Римом, полем боя между ними является православный, славянский Восток: «Если пристально рассматривать ход событий, борьба

между Западом и нами никогда не прекращалась. В ней не было даже длительной передышки, а случались лишь короткие остановки. Зачем теперь это скрывать от себя? Борьба между Западом и нами готова разгореться еще жарче, чем когда бы то ни было, и на сей раз опять, как и прежде, как всегда, именно римская Церковь, латинская Церковь оказывается в авангарде противника. Что же, примем бой открыто и решительно. И да не забудет ни на мгновение Восточная Церковь перед лицом Рима, что она является законной наследницей вселенской Церкви». Революции 1848–49 гг. изменили ракурс тютчевского взгляда на Запад, но не на его вражескую сущность. Теперь стало ясно, что Запад опасен прежде всего не католицизмом (о нём Тютчев написал уже в гораздо более примирительных тонах в работе «Римский вопрос», где говорится, что католицизм – это последний осколок традиционного общества на Западе), а своим революционным духом, в основе которого «человеческое я, желающее зависеть лишь от самого себя, не признающее и не принимающее другого закона, кроме собственного волеизъявления, одним словом, человеческое я, заменяющее собой Бога...». Современный Запад, по Тютчеву, это отрицание традиций, отрицание какого-либо порядка. Т. е. революция на Западе это не просто политический процесс, это процесс духовный, это крушение всех авторитетов, крушение, с точки зрения Тютчева, основ общества вообще, это практическое антихристианство. «Революция... прежде всего – враг христианства. Антихристианский дух есть душа Революции, ее сущностное, отличительное свойство». Россия же – «христианская держава, а русский народ является христианским не только вследствие православия своих верований, но и благодаря чему-то еще более задушевному. Он является таковым благодаря той способности к самоотречению и самопожертвованию, которая составляет как бы основу его нравственной природы». Поэтому-то «уже давно в Европе существуют только две действительные силы: Революция и Россия. Эти две силы сегодня стоят друг против друга, а завтра, быть может, схватятся между собой. Между ними невозможны никакие соглашения и договоры. Жизнь одной из них означает смерть

другой. От исхода борьбы между ними, величайшей борьбы, когда-либо виденной миром, зависит на века вся политическая и религиозная будущность человечества». Тютчев говорит о «беспощадной войне в готовящемся крестовом походе нечестивой Революции, уже охватившей три четверти Западной Европы, против России». Впрочем, он совершенно уверен в победе России: «Тысячелетние предчувствия совсем не обманывают. У России, верующей страны, достанет веры в решительную минуту. Она не устрашится величия своих судеб, не отступит перед своим призванием. И когда еще призвание России было более ясным и очевидным? Можно сказать, что Господь начертал его огненными стрелами на помраченных от бурь Небесах. Запад уходит со сцены, все рушится и гибнет во всеобщем мировом пожаре – Европа Карла Великого и Европа трактатов 1815 года, римское папство и все западные королевства, Католицизм и Протестантизм, уже давно утраченная вера и доведенный до бессмыслия разум, невозможный отныне порядок и невозможная отныне свобода. А над всеми этими развалинами, ею же нагроможденными, цивилизация, убивающая себя собственными руками... И когда над столь громадным крушением мы видим еще более громадную Империю, всплывающую подобно Святому Ковчегу, кто дерзнет сомневаться в ее призвании, и нам ли, ее детям, проявлять неверие и малодушие?..»

В неоконченном трактате 49-го года «Россия и Запад» Тютчев выстраивает конкретную стратегию, что собственно делать с этим революционным Западом: поглощение Россией Австрии, присоединение Германии и Италии и объединение христианских церквей при союзе русского императора и православного папы в Риме. Крымская война для Тютчева стала подтверждением тех его самых дурных предчувствий, когда, по его словам, Россия «вступит в схватку с целой Европой». Любопытно, что ракурс у него опять несколько меняется, и он выражает в частных письмах надежду на то, что «красный» Запад нам поможет в этой ситуации, он надеется на новую революцию в Европе, которая ее ослабит. Но этого не произошло, и письма Тютчева 50-х годов наполнены гневом по поводу,

как он говорит, «тупоумной» политики Николая I, который в свое время не воспользовался его рекомендациями.

После Крымской войны, на мой взгляд, антизападничество несколько поутихло, поскольку русская мысль ушла в осмысление реформ, которые происходили в России при Александре II. Новый виток резкого антизападничества вызвала негативная реакция европейских держав на подавление Россией польского мятежа 1863 года, воспринятая русским общественным мнением, даже, кстати, во многом и либеральным, как вмешательство во внутренние дела России. Кроме того, в 60-е годы начинается противостояние России и Англии на Востоке, так называемая большая игра, что тоже способствовало росту антизападничества. Теоретическим оформлением этих настроений стала этапная для антизападничества книга Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» (1869). Принципиальной новостью в сравнении с точкой зрения Тютчева стало то, что если для Тютчева и Запад, и Россия принадлежат к Европе, т. е. Тютчев недвусмысленно говорит, что Россия тоже Европа, но «другая», «восточная», Тютчев еще универсалист в этом смысле, то для Данилевского Россия и Запад принадлежат разным культурно-историческим типам, разным цивилизациям: германо-романский Запад, уже дряхлеющий на глазах, и идущий ему на смену славянский культурно-исторический тип, центром которого является Россия. Отсюда ненависть Европы к России: «...Европа не признает нас своими. Она видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды, как извлекает из Китая, Индии, Африки, большей части Америки и т. д., – материалом, который можно бы формировать и обделывать по образу и подобию своему... Европа видит поэтому в Руси и в славянстве не чуждое только, но и враждебное начало. Как ни рыхл и ни мягок оказался верхний, наружный, выветрившийся и обратившийся в глину слой, все же Европа понимает, или, точнее сказать, инстинктивно чувствует, что под этой поверхностью лежит крепкое, твердое ядро, которое не растолочь, не размолотить, не растворить, – которое, следовательно, нельзя

будет себе ассимилировать, претворить в свою кровь и плоть, – которое имеет и силу и притязание жить своею независимую, самобытною жизнью. Гордой, и справедливо гордой, своими заслугами Европе трудно – чтобы не сказать невозможно – перенести это. Итак, во что бы то ни стало, не крестом, так пестом, не мытьем, так катаньем, надо не дать этому ядру еще более окрепнуть и разрастись, пустить корни и ветви вглубь и вширь. Уж и теперь не поздно ли, не упущено ли время? Тут ли еще думать о беспристрастии, о справедливости. Для священной цели не все ли средства хороши? Не это ли проповедают и иезуиты, и мадзинисты, – и старая, и новая Европа?.. Все самобытно русское и славянское кажется ей достойным презрения, и искоренение его составляет священнейшую обязанность и истинную задачу цивилизации». Данилевский доказывает, что Европа «не случайно, а существенно нам враждебна; следовательно, только тогда, когда она враждует сама с собою, может она быть для нас безопасною», и поэтому европейская политика России должна быть такова: «Нам необходимо... отрешиться от мысли о какой бы то ни было солидарности с европейскими интересами, о какой бы то ни было связи с тою или другою политическою комбинацией европейских держав и прежде всего приобрести совершенную свободу действия, полную возможность соединиться с каждым европейским государством под единственным условием, чтобы такой союз был нам выгоден, нисколько не взирая на то, какой политический принцип представляет собою в данное время то или другое государство». Берлинский конгресс 1878 года, где опять-таки, с точки зрения русского общественного мнения, Запад коллективно выступил против России, когда неожиданно для русских канцлер Бисмарк занял враждебную по отношению к России позицию, добавил аргументов к этой точке зрения Данилевского. Он прокомментировал итоги конгресса в статье 1879 года «Горе победителям», где, конкретизируя прежние свои выводы, говорит о том, что Россия в политическом смысле не только не Европа, но Анти-Европа, что антагонизм России и Европы неизбежен, его невозможно предотвратить, поэтому для успешной русской политики нужно

перестать считать Россию членом европейской политической системы: «Россия, для достижения своих целей, должна пользоваться всеми ошибками Европы, всяким внутренним раздором ее, всякою надобностью, которую то или другое государство может встретить в помощи России... Политика России, чтобы быть успешною... должна держаться, как постоянного руководящего принципа, русско-славянского эгоизма...».

Для эпохи Александра III вообще характерна антизападническая риторика, причем теперь она распространяется на самые разные направления русской мысли, потому что до этого мы говорили только о консервативном направлении. Наиболее яркой фигурой в дискурсе о Западе, как враге, этого периода является К.Н. Леонтьев, крупнейший идеолог русского консерватизма. Для него, как и для Тютчева, современный Запад есть отрицание самих основ общества, плюс для него как принципиального эстета буржуазная цивилизация антиэстетична, при этом Леонтьев по-своему любит старый Запад, но нынешний буржуазный Запад для него отвратителен. Характерна в данном отношении цитата из его работы «О всемирной любви» (это полемика с Пушкинской речью Ф.М. Достоевского): «...как мне хочется теперь в ответ на странное восклицание г. Достоевского: “О, народы Европы и не знают, как они нам дороги!” – воскликнуть не от лица всей России, но гораздо скромнее, прямо от моего лица и от лица немногих мне сочувствующих: “О, как мы ненавидим тебя, *современная Европа*, за то, что ты погубила у себя самой все великое, изящное и святое и уничтожаешь и у нас, несчастных, столько драгоценного твоим заразительным дыханием!”» (Кстати, «заразительное дыхание» заставляет вспомнить Шевырева.) В работе 1882 года «Письма о восточных делах» Леонтьев говорит о том, что он во многом последователь Данилевского и что Россия как представитель нового культурно-исторического типа неизбежно должна вступить в борьбу с Западом, в ее цели входит присоединение Царьграда и образование союза восточных государств вокруг себя. В качестве главного врага он видит Францию. Правда, он оговаривается, что конечно, если бы Германия тоже была республикой, и президентом там

был бы какой-нибудь либерал Вирхов, то неизвестно, что было бы хуже – Франция или Германия, но в данном случае все-таки Франция хуже. Один из ярчайших пассажей этой статьи в том, что было бы прекрасно, если бы присоединение Царьграда совпало с анархическим бунтом во Франции и разрушением Парижа, потому что это был бы осязательный пример того, что западная цивилизация гибнет: «...надо желать, чтобы якобинский (либеральный) республиканизм оказался совершенно несостоятельным и не перед *реакцией монархизма*, а перед *коммунарной анархией*; ибо монархическая реакция все-таки прочна не будет, а только собьет еще раз с толку наше и без того плохое общественное мнение, ненадежная монархия будет только *томить*, как томит осужденного на смерть больного медленная агония; она будет длить обманчивое и зловерное влияние европейских либеральных идей; торжество же коммуны *более серьезное, чем минутное господство 71-го года*, докажет, несомненно, в одно и то же время и *бессилие “правового порядка”*, *искренно проводимого в жизнь (чем искреннее, тем хуже!)*, и *невозможность вновь организоваться народу на одних началах экономического равенства*. Так что те государственные организмы, которым еще предстоит *жить*, поневоле будут вынуждены избрать новые пути, вовсе непохожие на те пути, по которым шла Европа с 89-го года. Большинство не умеет ни *отвлеченно предвидеть*, ни *художественно предчувствовать*; большинству нужны *наглядные примеры*... Прибавляю еще вот что: возможно ли серьезное (хотя, повторяю, опять-таки временное) торжество и господство коммуны без вандализма, без *вещественного разрушения* зданий, памятников искусства, некоторых библиотек и т. д.? Конечно нет, и при нынешних средствах разрушения обратить большую часть Парижа в развалины и груды пепла гораздо легче, чем было во времена древние разрушать другие *великие культурные центры* – Вавилон, Ниневию, старый Рим и т. д. *А этого и нужно желать тому, кто жаждет новых форм цивилизации на берегах, Босфора. Разрушение Парижа сразу облегчит нам дело культуры далее и внешней в Царьграде. И неужели это только бессильное желание варварской завис-*

ти? Не думаю! Не вернее ли, что это нечто вроде пророчества, если не совсем уже научного, то полунаучного, *гипотетического, по индуктивному способу из примеров исторических выведенного*». Еще очень острая цитата из частного письма по поводу отношения Леонтьева к структурным принципам западной цивилизации: «Придет время, так прихлопнем всю эту анафемскую демократию, что только мокро останется... И “Оптинские старцы” даже не откажут в своем благословении на такой exploit». Любопытно, что параллельно с этим на левом фланге русской мысли появляются близкие настроения, в народническом дискурсе, и это понятно, потому что и мысль Леонтьева, и мысль народников находилась в русле антикапиталистической ментальности. Характерна, например, в этом отношении работа С.Н. Южаков «Англо-русская распря. Небольшое предисловие к большим событиям. Политический этюд» (1885). Здесь уже символом Европы становится Англия, она воплощение западного капитализма, противостоящего антибуржуазной России: «Буржуазный капиталистический режим, дошедший (в Европе) до самого крайнего выражения именно в Англии и притом именно в лице Англии, перенесшей свое господство и в международные отношения, этот режим встретил в лице России страну не буржуазную и не капиталистическую, а построившую свою культуру на идее крестьянства; борьба между двумя мировыми колоссами поневоле явится борьбой между двумя режимами, проверкою их состоятельности и их значения и роли в будущем. В этом – смысл борьбы и в этом же ее причина, ибо обе страны, следуя каждая не более, как логике своей культуры и требованиям своей истории, пришли на Востоке в такое соприкосновение, что ужиться рядом не могут и, покуда не преобразовали своего внутреннего строя по образцу противника, не должны уживаться, не уживутся, как бы того государственные люди обоих государств не желали... борьба между лордом-капиталистом с одной стороны и русским мужиком с другой предписывается всей логикой обеих государств».

К началу Первой мировой войны ситуация принципиально изменилась, потому что Россия оказалась в союзе с рядом за-

падных стран против других западных стран. Наследникам славянофильских традиций пришлось эту проблему как-то осмыслить, и очень любопытно смотреть, как это делает, например, В.Ф. Эрн в своих публичных лекциях «Время славянофильствует (Война, Германия, Европа и Россия)» (1915), где он говорит, что «старая антитеза *Россия и Европа* вдребезги разбивается настоящей войной», ибо Германия уже не Европа, не подлинная Европа, в Германии восторжествовали богоборческие, антихристианские тенденции, зато в Англии, во Франции, в Бельгии они, напротив, проснулись, и теперь наступает некое возрождение христианской цивилизации: «Отношение России к Европе стало чрезвычайно простым после того, как отрицательные, богоубийственные энергии Запада стали сгущаться в Германии, как в каком-то мировом нарыве, – и оттягивать весь воспалительный процесс в одно место. Когда вспыхнула война и наяву в Бельгии, Франции и Англии воскресли “святые чудеса”, между Россией и этими странами установилось настоящее духовное единство. С этой Европою подвига и героизма, с Европою веры и жертвы, с Европою благородства и прямоты мы можем вместе, единым сердцем и единым духом, творить единое “вселенское дело”. Мы должны быть бесконечно благодарны чутью и такту нашей дипломатии, которая чуть ли не в первый раз в нашей истории оказалась на действительной высоте и поставила нас в мировом конфликте рука об руку с теми странами и с теми народами, с которыми у нас есть подлинная общность в самых глубоких и в самых духовных наших стремлениях. Но мы не должны забывать и того, что политический союз с странами Западной Европы осмысливается и освящается для нас высотой духовных целей, нас объединяющих, и что мы подружились с ними не на ненависти к общему врагу, а на любви и привязанности к родственным и близким святыням. Этот момент чрезвычайно обязывает. Как бы ни была значительна и огромна война, с более общих точек зрения судеб Европы и России она все же представляется только началом нового периода истории, в котором духовные силы Востока и Запада станут в какие-то новые, творческие и небывалые еще соотношения, и Европе

в дружном сотрудничестве с Россией придется пересмотреть, в свете пережитого “онтологического” опыта войны, все основы своего духовного бытия и найти новые пути дальнейшего культурного и духовного развития».

После катастрофы 1917–20 годов в русской эмиграции снова возникают очень сильные антизападнические настроения, наиболее концентрированным выражением которых явилось евразийство (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий и др.), которое сделало шаг вперед в этом направлении, дальше Данилевского, Россия не только выводится вообще за пределы европейской цивилизации, но и сдвигается в сторону близости с Азией. Антизападничество присутствовало и в советском официальном дискурсе, но оно было всегда непоследовательно, образ Запада был двойственен, там имелись «реакционные» и «прогрессивные» силы. Настоящее антизападничество в СССР формировалось где-то с конца 60-х годов в рамках так называемой «русской партии», вокруг журналов «Молодая гвардия» и «Наш современник» (В.В. Кожинов, П.В. Палиевский, С.Н. Семанов и др.). Это была группа интеллектуалов, ратовавшая за возрождение традиций дореволюционной России и опиравшаяся на наследие славянофилов, Леонтьева и т. д. Идеология этой группы имела в СССР скорее еретический статус, т. е. в официозе она была представлена, но эта точка зрения постоянно подвергалась критике, в отношении некоторых ее выразителей даже применялись «оргвыводы». Прекрасный источник для изучения этого явления – публикуемые сегодня дневники С.Н. Семанова. В легальной печати наиболее ярко эта тенденция была представлено статьей В.В. Кожинова «И назовет меня всяк сущий в ней язык...» (1981), где высказана вполне евразийская концепция русской истории и отношений России с Западом. В перестройку, в 80-е годы антизападничество было крайне непопулярно, но крах СССР его снова пробудил, в середине 90-х годов возникло много его новых версий, тут можно назвать имена и А.Г. Дугина, и С.Г. Кара-Мурзы, и А.С. Панарина, активно были подняты на щит идеи Л.Н. Гумилева. Постсоветское антизападничество стало важнейшим структурным элементом идеологии анти-

ельцинской оппозиции, как ее тогда называли, «красно-коричневой» оппозиции. Тем интереснее, что сегодня многие из этих идеологов практически получили статус политического официоза.

Татьяна Филиппова

«Враг с Запада» – мифологема в контексте исторических и культурных смыслов

Что самое интересное в мифах, в их бытовании? То, что случается с ними в их жизни «здесь и сейчас», то есть на зыбкой границе между мифами «органическими», бытующими в культурных депо исторической памяти, и мифами-конструктами, которые периодически концептуально создаются и продвигаются той или иной властью, т. е. мифами с заранее заданными свойствами. На этом порубежье (подчас конфликтном) «низовых» представлений и «верхушечного» мифа происходит то, что наполняет некоей смысловой и функциональной конкретикой жизнь мифа «здесь и сейчас».

Предмет моего интереса – отечественная журнальная сатира 1914–1918 годов, которая вполне закономерно оказалась и фактором, и производным от небывалого в истории человечества кризиса, справедливо названного Великой войной. В эпоху, когда (по словам Лоуренса Аравийского) «печатный станок стал наиболее мощным оружием в арсенале современного военачальника», российские журналисты-сатирики создали интереснейшую систему образов, приёмов и риторик вражды, в подвижных рамках которой конкретные адресаты – «враги с Запада» – выступали в очень неоднозначных, изменчивых ролях и амплуа, отражавших, бесспорно, мифологизированное восприятие врага.

Формирование образов врага с помощью воздействия на общественное сознание средствами журнальной сатиры и создания специфических мифов в пространстве смеховой культуры часто приводит к образованию своего рода «параллельного измерения». Оно существует и развивается одновременно с реальными событиями военного времени. Более того, эти образы приобретают опасную способность нагнетать напряжение между *реальностью* представлений и *мнимостью* фактов. Особенно в условиях, когда наложение старых, исторических фобий на процесс конструирования новых, актуальных с очевидностью фиксирует симптоматику социокультурного кризиса.

В этой связи мне представляется важным (поскольку миф всегда сугубо контекстуален по своему содержанию, а тем более миф «врага»), прежде, чем перейти к исследованию этапа конструирования обновленного мифа «врага с Запада» в связи с Первой мировой войной, обратить внимание на те реперные точки, по которым полезно настроить свою исследовательскую «оптику» в каждом конкретном случае при рассмотрении такого мифа. К примеру: сатирическая стратегия и риторика «возраста», диктуемая такой формой критики, а подчас и дискриминации, как эйджизм (от англ. *age*, возраст). Обратим внимание на то, какой именно «возраст» придается или приписывается тому или иному «врагу», в какой «возрастной категории» он видится сатирикам в этом качестве.

Отметим и то, в каком гендере он изображается, особенно, если идет речь о визуализации образа врага. Причем, я имею в виду именно гендер, как социальную, культурную, образную, символическую роль, приписываемую врагу, а не «пол», как таковой. От этого, кстати, очень зависит и следующая реперная точка – *за что именно* в данном конкретном мифе не любят объект критической мифологизации, какая основная вина ему приписывается, как в каждой конкретной ситуации видится «иерархия вражды» (если врагов несколько), то есть *кто именно* в данном случае выступает главным воплощением «врага с Запада».

Важно учитывать, что исторически (в качестве «половины пары») в мифе «врага» заложена бинарная конструкция, отра-

жающая специфику мифологического сознания как такового. «Врагу с Запада» сопутствует на другом полюсе, как правило, «Враг с Востока». В Первую мировую войну отечественным журналистам-сатирикам положение России виделось как раз в перекрестье «западно-восточной» угрозы, поэтому и образ «врага с Запада» («австрийца», «германца») всегда оценивался в его взаимоотношениях с «врагом с Востока» (Османская Турция).

Мне посчастливилось работать с совершенно уникальным историческим источником. Это русская журнальная сатира, в основном карикатура, начала XX века. Это самые лучшие, наиболее профессиональные, качественные, отечественные сатирические журналы – «Сатирикон», «Новый Сатирикон», «Шут», «Будильник», «Искры», «Пугач» и т. д. Что их объединяет? Прежде всего, это журналы, условно говоря, либеральной сатиры. В чем здесь условность? В том, что это был не «высокий» либерализм думских споров и партийных дискуссий, а «низовое», повседневное свободомыслие читающей публики столиц и провинции, основного адресата этой журнальной продукции. Этой спецификой данные издания и представляют интерес, поскольку они и отражали, и поддерживали то идейно-политическое небезразличие, которое было так характерно для настроения умов на заре «века войн и революций». Знакомство с подобной литературой позволяет сделать ряд интересных заключений по поводу того, как формировался, развивался и преодолевался образ «врага с Запада» в русской сатире.

В тот момент, к началу Первой мировой войны, «враг с Запада» виделся как «немец» в двух ипостасях – «австриец» и «германец». И риторики критики в их адрес были разными. Во «враге с Запада» в образе «австрийца» реализовались две стратегии критики, два вида соперничества, присутствовавшего в русской культурной традиции по отношению к «австрийцу». Это соперничество Петербурга и Вены, соперничество двух имперских центров и культурных столиц, соперничество двух разных дипломатических, политических и культурных проектов, связанных с присутствием двух традиционных

«Приятная война»

Dance Macabre

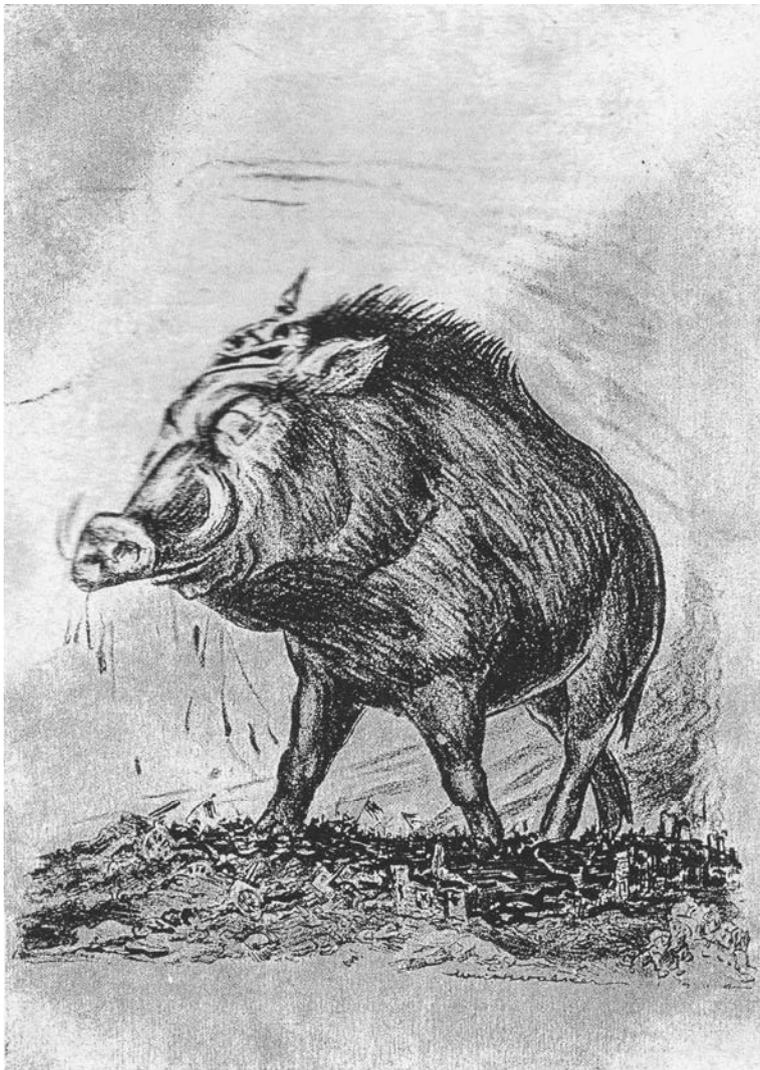
империй в пространстве Европы и Азии. Образ «весёлой Вены, столицы оперетты», миф особого «венского шика», с началом событий Первой мировой войны, с варварскими бомбардировками Белграда, с жертвами среди мирного населения сербского отечественная сатира как бы «возвращает» русскому обществу в виде карикатурно изображённого жуткого австрийского офицера, лощеного «аристократа», с бокалом шампанского и с нанизанной на саблю головой сербской женщины... Другой концентрированный образ «врага с Запада» в роли австрийца возвращает нас к эйджистской трактовке – это скелет-Макабр, отсылающий нас к культурной традиции центральной Европы,

где стиль «Макабр» предполагал некую эстетизацию мощей, скелетов, черепов. В этом жутком образе «пляски Смерти» («данс Макабр») на страницах русской печати появляется сам император Франц Иосиф I как олицетворение ветшающей империи Габсбургов. Но даже в таком «посмертном» состоянии, по мнению русских сатириков, Австро-Венгрия продолжает представлять угрозу народам мира.

Образ «германца» как врага визуализируется с самого начала войны в таком привычном для карикатурного жанра глумливом виде, как «торжествующая свинья». «Германское свинство» (обыгрывающее такую деталь повседневности как гастрономические пристрастия немцев) видится карикатуристам и в бомбежках Бельгии, и в развалинах европейских городов, и в особо жестоком характере ведения боевых действий, и в беспрецедентных жертвах среди мирного населения. Образ «германской свиньи», топчущей Европу, гадящей бомбами на её города, будет постоянно присутствовать на страницах русской печати военных лет. Наряду с образом самого кайзера Вильгельма II, брутального воплощения германского милитаризма, наделяемого выраженной отрицательной харизмой.

Упомянутое соотношение образов «врага с Запада» и «врага с Востока» имеет с русской сатире той поры очень примечательную особенность. «Турок» как главный и традиционный «врага с Востока» выступает в Первой мировой войне в роли жертвы своих же западных союзников. В этом контексте одно из главных обвинений в адрес «австрийца» и «германца», предъявляемых отечественной журналистикой, состоит в том, что те готовы воевать «до последнего турка», сугубо прагматически относясь к Турции и её роли в Великой войне. Характерные образы той поры: германский кайзер сбрасывает из гондолы воздушного шара жалкую фигурку старенького турка (снова пример эйджистский трактовки!) прямо на русские штыки, облегчая тем самым себе дальнейший полёт.

Сделаем шаг назад по шкале времени для того, чтобы представить себе истоки современной традиции изображения «врага с Запада», заложенной «мировой войной номер ноль», как

«Горжествующая свинья»

Дружеское нравоучение. К поиску Японией займов.

– Злая собачонка сладкого пирога захотела!.. Нет, шалишь: служить ты можешь, но заслуживать этого не можешь!..

иногда называют Русско-японскую войну 1904–1905 годов. Уже тогда за фигурой агрессивного японского вояки-подростка (снова «возрастная» метафора вражды!) сатирики изображают подлинных инициаторов кризиса на Дальнем Востоке – Великобританию и США, выступающих подстрекателями и финансистами войны Японии с Россией. На массе карикатур той эпохи за личиной «японского дракона», сокрушающего русские корабли, скрываются «лукавые доброжелатели» с Запада, направляющие «молодую» энергию Японии, реформированной по европейским образцам, против России как геополитического соперника Запада. Продвижение мысли о том, что натравливание «Востока» на Россию происходит по указке «Запада», – характерная стратегия отечественных журналистов с самого начала XX века.

Даже в период Первой мировой войны «американец» (не будучи точно говоря врагом) как образ предстает в неоднозначной роли. С одной стороны, типична визуализация «Америки» в позитивном образе статуи Свободы как символа всего того, к чему стремится свободолюбивая мысль русской интеллигенции. С другой стороны, Америка в лице ее политического режима, пресловутого «дяди Сэма», располневшего на военных поставках и займах, начинает подвергаться моральной (!) критике. Русские сатирики недоумевают: это кем же надо быть, чтобы в условиях жуткой мировой бойни не выбрать свою сторону конфликта и так долго затянуть со вступлением в войну?! В представлении тогдашних российских журналистов эта не слишком благородная стратегия (когда предпочитают откупиться, чем рыцарски вступить в поединок) становится характернейшим типом поведения западной («атлантической») цивилизации.

Что характерно: русская сатира была болезненно чутка к ужасам военного времени и заранее предугадывала крутую траекторию падения мира в пропасть небывалых катастроф, порожденных «новейшей цивилизацией», построенной на милитаризме. К концу войны риторики вражды в русской журнальной сатире теряют свою адресную «географическую» чёткость. Они всё меньше зависят от конкретных событий на

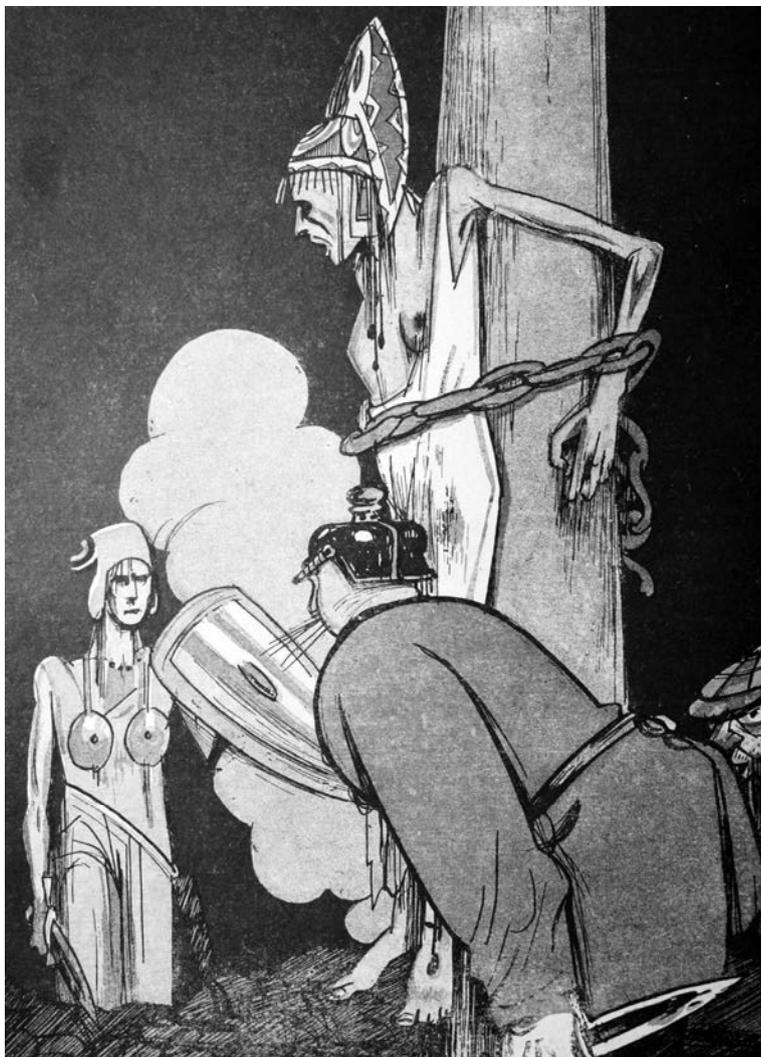
АМЕРИКАНСКОЕ.

Оглушительный звон загребаемого лопатой золота мешает ему слышать крики о помощи утопающих в океане

полях сражений и всё больше проникаются осознанием глобальной взаимозависимости внутренних кризисных процессов в странах, участвовавших в Великой войне.

Явственней звучит обвинение «Запада» в лице Австро-Венгрии и Германии в том, что своим влиянием на азиатские страны они усугубили остроту кризиса в них и спровоцировали наиболее жестокие проявления социальных катастроф (к примеру, резню 1915 года в Османской империи). Более того, «азиатский» аспект жестокостей и зверств (как на Кавказском фронте, так и внутри Турции) становится заметной темой на страницах российских сатирических журналов именно в контексте «европейского» (германского и австрийского) воздействия на последствия позднеосманского реформаторства по «западным» лекалам. Патологические последствия некритично воспринятых «Востоком» заимствований с «Запада» видятся сатирикам как знамение времени. Отсюда – уверены журналисты – все эксцессы внешних агрессий и внутренних репрессий, характерные, к примеру, для эпохи бесславного заката Османской Турции в результате её вступления в Первую мировую войну.

Ближе к окончанию войны, в контексте революционных событий 1917 года, в русской сатирической печати наступает своего рода прозрение – резкое, болезненное, трагическое. Демонический образ-перевёртыш «немца» как «врага внешнего» и «врага внутреннего», охватывающего извне и пронизывающего изнутри тело России, под влиянием осмысления русских революций теряет в итоге и силу, и пафос. Исчезают, размываются чёткие контуры того или иного образа врага, будь то с «Запада» или с «Востока». Приходит позднее понимание, что за бедами России в войне и революции стоят прежде всего проблемы самой России. В том числе и неготовность, незрелость, неспособность самого русского общества в послефевральский период оказаться на высоте поставленных историей задач – противостоять стихии левачества и большевистской интриги. И уже не так важно – пришли ли большевики к власти на «германские деньки» или это кайзер использовал «ленинцев» для выведения России из войны. Вывод один:

Да здоровствует Франция!

«Зло» восторжествовало в стране из-за неспособности самого русского общества осуществить свой собственный, конструктивный сценарий развития страны после свержения самодержавия.

Уже после «брест-литовского предательства» (каким видят Брестский мир русские сатирики) образ «Запада» в последних номерах сатирических журналов (окончательно закрытых летом 1918 года) делится на «положительный» и «отрицательный». Наступление войск «прекрасной Франции», продолжающей воевать с германцами (эпохальное сражение на Марне), видится русским журналистам-сатирикам как рука помощи, благородно протянутая гибнущей России, прикованной к позорному столбу германским кайзером (персонализированным воплощением «врага» с Запада) и собственным режимом «национального предательства». А всё потому, что Франция прочитывается как символ свободы и демократии (отобранных в России большевиками), потому-то в ней и возможен подлинный воинский дух и патриотизм... На такой возвышенно-трагической ноте исчезает и само явление русской сатирической журналистики, на смену которой придёт советская сатира, всегда готовая «приравнять к штыку перо». Начнётся новый виток мифотворчества по части создания и воссоздания образов «врага».

Пока же сатирикам уходящей России пришедшие к власти большевики видятся как режим закрытости от «Запада», как власть, принципиально забившая «окно в Европу», прорубленное когда-то Петром Великим... «Германец» же, когда-то представлявшийся главным демоническим образом вражды, блекнет на фоне тех демонических сил, которые взорвали прежнюю Россию изнутри.

Эта критическая рефлексия, свойственная тогдашней журнальной сатире как одному из важнейших «агентов» создания образа «Запада» как «Врага», и представляется мне важным вкладом в историю и культуру медийной сферы в России. Способность (пусть и запоздалая) в итоге увидеть *собственные* грехи и ошибки, не приписывая их «демоническому Другому», – признак интеллектуального мужества журналистов-

Окно в Европу

сатириков, продукт профессионального и гражданского опыта. Сама же тогдашняя сатира – во всем своеобразии её инструментов, риторик и стратегий – даёт богатейший материал для выявления истоков и корней многих традиционных мифов и стереотипов о «враге с Запада», бытующих в современном медийном пространстве, в публицистике и массовых представлениях.

Безусловно, у сатирических образов, по-своему мифологизирующих тему «врага» как продукта своей эпохи, есть и «срок годности», по истечении которого многие их составляющие не только в значительной степени утрачивают свою юмористическую нагрузку и фобийное содержание, но и попросту перестают быть понятны человеку, не посвященному в специфику исторических реалий. Однако в своей базовой основе – как очередной продукт «языка вражды», актуализированный реальностью войны, – они исправно пополняют собой те самые «культурные депо» исторической памяти общества, из глубин которой на очередном витке обострения ситуации продолжают подпитываться. Именно отношение к внутренним проблемам страны чаще всего становится пусковым механизмом появления новых интерпретаций и мифологизации образа «Запада», разнообразя нарративный и визуальный репертуар соответствующих трактовок.

Ведущий

Прежде чем перейти к вопросам дискуссии, хотел бы поинтересоваться: есть ли у докладчиков желание задать друг другу вопросы?

Татьяна Филиппова

Как видится моему коллеге динамика «иерархии вражды»? Иными словами, кого и за что больше не любят в России на протяжении определённого исторического периода? Кто из западных «антигероев» лидирует, в представлении россиян, в роли главного «демонического Другого» (demonic Other)?

Сергей Сергеев

Ну, в общем, пальма первенства, у Англии, все-таки.

Ведущий

Предлагаю построить нашу дискуссию следующим образом: прошу участников Семинара задавать вопросы, высказать суждения по очереди, а затем докладчики смогут отреагировать и прокомментировать накопившиеся мнения в своих заключительных словах.

Борис Ланин

В русской литературе 19-го века, как правило, персонаж – англичанин или англичанка – это непременно отрицательный персонаж. Исключения лишь считанные, я и не припомню. Русские учебники для гимназий по истории и литературе были заведомо антизападными. Сейчас они выглядят более славянофильскими, чем произведения самих славянофилов. Учебники были более тенденциозными, чем работы многих славянофильски и почвеннически настроенных мыслителей, которые сдерживали себя в научных дискуссиях и высказывались более сбалансированно в публицистических работах. Дело в том, что учебники были крайне архаичными. Возьмём, к примеру, знаменитого «человека в футляре», чеховского персонажа. Он был продуктом дореформенной русской гимназии, которая строилась на причудливом смешении античных идеалов, греческой философии и православных идей. В целом, поколение за поколением воспитывалось анти-западнически, хотя дворянская элита, тем не менее, говорила на французском языке.

Александр Люсий

Я недавно увидел в библиотеке трехтомник, посвященный Первой мировой войне – «Первая мировая война: историографические мифы и историческая память». Там меня больше всего заинтересовала одна статья с целым блоком иллюстраций – юмористические и сатирические карты тогдашней военной Европы, издаваемые в разных странах, по обе линии фронтов. Хорошо бы это было бы издать отдельным

альбомом – как на британских, французских, немецких картах обыгрываются разные национальные стереотипы и конкретные эпизоды боевых действий. Как там Россия (обычно в образе доброго или злого медведя) то наступает, то ее гонят вглубь Азии. Получается по-своему поучительный картографический карнавал.

Владимир Симиндей

С одной стороны, мы видим, что традиционно мифы стремятся к герметичности, с другой стороны, с древних времен мифы не были самоизолированы, в них попадали герои из столкновений с другими культурами. Они трансформировались. Естественно, образ себя формировался под внешним воздействием и в современном мире, в том числе формального рационализма, мы видим, что мифы никуда не деваются, используются отнюдь не только конкретными государствами, но и транснациональными компаниями, другими субъектами, которые заинтересованы в том, чтобы влиять на потребительское поведение. Естественно, происходит жонглирование мифами, это попытка предвидеть «несвятую троицу» самых больших угроз мира, которую предприняла администрация США. На первом месте вирус Эбола, в борьбу с которым вкладывают деньги (тут наблюдается мощнейшая конкуренция различных субъектов в борьбе с этим вирусом, но не факт, что он действительно станет мировой угрозой), на втором месте обозначена Россия, а на третьем месте так называемое «Исламское государство».

Наверное, м. б. некоторые читали последнюю вещь Владимира Сорокина, в которой герой пытается изобразить миф 40-х годов 21-го века, где переплетаются мифы о неизбежной атомизации всего евразийского пространства, там же есть миф и о гибели Запада, средства «сопротивления» угрозе номер три, то бишь очередной «крестовый полёт» и т. д. Но сегодня мы живем в парадоксальном мире и, с точки зрения современного международного права, войны вообще запрещены, т. е. можно обороняться, но наступать нельзя. Мы видим, что Запад позволяет себе участие в авантюрах; естественно, это

пробуждает желание людей на равной основе тоже позволить себе определенные «безумства». Когда сегодня сталкиваемся с тем, что это отторгается, то возникает взаимное непонимание: как так, «Западу можно, а России нельзя?» Это также ставит вопрос об извечной цепочке побежденных и победителей.

Еще один аспект, который мне хотелось бы затронуть, это образ Запада, «Запад как враг», он все-таки не всегда был тотальным. Кроме того, прозападные так называемые партии, они в российской элите тоже боролись между собой – были англофилы, франкофилы, которые очень активно конкурировали. Поэтому, мне кажется, что если мы поместим проблематику, которую затронули, в более широкий контекст определенной системы «зеркал», то мы увидим, что российский миф враждебного Запада вполне зеркален мифам о «русском медведе» и т. п.

Кроме того, мы должны понимать, что на местных уровнях, на приграничных территориях как-то «склеиваются» разные региональные мифы. Замечательной представляется карикатура в эстонской газете или журнале 1938 года, где над тремя условными прибалтами, изолировавшимися друг от друга, склонились три мифологических, но в равной степени по восприятию «империалистических» существа: белый медведь со сталинскими усами и в будёновке, черный орел (Германия) и орел белый – в конфедератке (Польша), который тоже представлялся империалистическим, хотя сейчас принято Польшу считать исключительно жертвой войны. Поэтому если рассматривать ситуацию в более широком контексте, то мне кажется, что этот пункт вражды взаимно подогревается, и здесь какая-то наша риторика не является уникальной. Попытка «саморазоружиться» и отрефлексировать не приведет к какому-либо серьезному результату, если мы не встретим схожие попытки влиятельных кругов на Западе взвесить свои представления о России и «проветрить» их от заблуждений.

Геннадий Бордюгов

Мне не хватило в докладах уважаемых коллег внимания к моментам угасания мифа «Запад как враг». Наблюдались ли

они в истории? Вот Владимир Симиндей считает, что бесполезно влиять на этот процесс, все со временем само собой рассосется... Нужны ли вообще усилия интеллектуалов по дешифровке, деконструкции мифа? Мне кажется, что они крайне необходимы.

Андрей Макаров

Я вижу три важные предпосылки рассматриваемого мифа. Первое, если мы рассмотрим на длительной исторической перспективе взаимодействие Запада, скажем, Европы, России, то мы должны прежде всего принять в рассмотрение фактор неравномерности исторического развития, представлять, что мир-система, функционирующая, скажем, последнюю тысячу лет, предполагает структурирование пространства и формирование метрополии и периферии с принципиально разными свойствами, качествами и с характерным взаимодействием их друг с другом. Одним из таких фундаментальных свойств этой системы, сложившейся за тысячу лет развития цивилизации на европейском пространстве, является неравномерность обмена и потока ресурсов от периферии к метрополии, к центру, и обратно. Поэтому любые периферийные страны, а Россия, безусловно, в той или иной степени всегда занимала позицию периферии, хотя и автономной и самостоятельно существовавшей, но в развитии, все-таки, как правило, отставание всегда наблюдалось. В этом плане свободное, неконтролируемое взаимодействие метрополии и периферии всегда приводило к преобладанию потока ресурсов к метрополии и разрушению вследствие этого периферийной системы, длительное состояние деградации и распада.

Один пример из сегодняшнего дня – наше современное сельское хозяйство, когда мы открыто заняли место периферии Запада примерно 20 с лишним лет назад. Мы получили импорт продовольствия и треть сельских площадей нераспаханными, необработанными. Однако следует отметить, что этот стержневой фактор в истории непременно сопровождается другим – идеологическим обеспечением сложившейся сис-

темы метрополия – периферия, которая нужна для обеспечения стабильности потока ресурсов от периферии к метрополии. Этим фактором является создание системы идеологического доминирования (назовем это так). Мы видим начало этого процесса уже тысячу лет тому назад в эпоху крестовых походов и «освобождения» – непрошенного освобождения – гроба Господня и «угнетенных христиан» Палестины и Ближнего Востока, которые и привели к целой цепи кровопролитных войн и порабощению, временному, Востока и т. д.

Идеологическое воздействие, попытка идеологического и культурного доминирования над периферией создают не просто угнетенное состояние периферии, но ведет к ее структурному кризису и распаду, если этот процесс неконтролируемый. Сегодня можно отчетливо наблюдать такие характерные проявления, эту очень давнюю традицию Запада: например, в последний год очень наглядно стало заметно третирование стран, культуры периферии, а особенно – людей, как неполноценных, по типу унтерменшей. И я хотел бы именно на этом обстоятельстве заострить внимание, потому что оно дает понимание многого в современной политической жизни.

В чем это проявилось? Обратимся к событиям в Донбассе и развязанной там войне. Если взять отношение Запада ко всему творимому там ужасу и отношение Запада, скажем, к каким-то второстепенным, третьестепенным событиям культурной или иной жизни в других странах или регионах, то можно констатировать, что эти жертвы и эти люди, которые живут на Украине, в России, в Сирии или еще где-то, не рассматриваются как равноценные, как равноправные по сравнению с жителями стран, которые мы называем Западом.

И в первом и во втором случае я хотел бы подчеркнуть, что есть русская традиция терпения. Мы все знаем, что русский человек терпелив, индивидуалистичен, и для того, чтобы его «раскачать» и объединить вокруг действующей власти, нужны очень мощные, сильные факторы. И отмеченные выше факторы сами по себе не привели бы к резкой ответной реакции народа России, встречной реакции. Но в дополнение к этим двум

факторам добавляется третий. Дело в том, что в процессе эволюции больших систем, где идет неограниченная перекачка ресурсов от периферии к центру, не возникает стабильных, устойчивых, промежуточных состояний. Т. е. этот процесс, процесс «перекачки», предоставленный самому себе, ведет к предельному случаю – сосредоточению всего ресурса в одном элементе, в «одной точке» (этакая «сингулярность»), и, безусловно, разрушению всех периферийных систем и их способности к самовоспроизводству.

Проецируя это на сегодняшний день, можно увидеть, что достаточно высокий культурный образовательный уровень, еще сохраняющийся в нашей стране, позволяет активной части идентифицировать сложившуюся ситуацию как реальную угрозу существования и развития своей страны. И именно это обстоятельство – ощущение угрозы со стороны Запада своему существованию – является основой представления о Западе как о враге, враге реальном, а не мифологическом. Это интегральное, упрощенное, но реально существующее и реально осознаваемое активной частью населения России чувство, чувство, что Запад сам по себе не может остановиться в своем агрессивном отношении к России (и не остановится), а не «зомбирование телевидением», является основой того эффекта (внезапного, неожиданного для самых разных слоев нашего населения) консолидации вокруг действующей власти. При том, что власть продолжает точно так же рассматриваться как в чем-то вороватая, в чем-то неполноценная, в чем-то коррумпированная – но тем более требующая поддержки народом против «внешней угрозы»!

Подводя итог, можно указать на следующий важный вывод: возрождение и развитие образа Запада как врага в России имеет, как это ни парадоксально, и позитивную сторону. «Образ врага» требует определенного дистанцирования в политике и идеологии, а, следовательно – ослабления фактора идеологического доминирования Запада в России и иных странах мировой «периферии», некоторого «уравнения» позиций для необходимого рационального дискурса, обсуждения возникающих острых противоречий и проблем сосуществования.

Борис Беленкин

Я бы попросил докладчиков как-то прокомментировать, как-то отреагировать на вопрос: существует ли необходимость более подробного разговора в контексте рассуждений типа «Запад как враг», «Запад, как реаниматор исторического мифа новой реальности», Тютчев, Данилевский и т. д., с одной стороны, и, соответственно, западное, пропагандистское, мифологизированное отношение к России, с другой. У меня в связи с проблемой пинг-понга возникают вопросы и к присутствующим, ответы на которые для меня не очевидны. Наверное, ответы на них есть, но не знаю, насколько эти ответы ясны для всех.

На первом уровне существует то, о чем говорилось: высоколобое такое антизападничество, Тютчев, Данилевский и т. д., некая высоколобая точка зрения, конструирующая определенную точку зрения на Запад, на его отношение к России. Второй уровень, назовем его условно журналистским, пропагандистским, более направленным в пропаганду, начиная условно с Крымской войны, поскольку Вы дальше в рассуждениях не шли, затем – Первая Мировая война... У меня возникает соответствующий вопрос: насколько (у Вас, кажется, звучало, что Данилевский и Тютчев – это одно, а потом в политической реальности все было другое, потом враг – Германия, потом Франция), насколько это высоколобое антизападничество соотносилось с реальной политикой, можно ли его вообще соотносить с этой реальной политикой? Или реальная политика соотносилась с чем-то иным, например, с журналистикой, или, с народным лубочным сознанием, мировосприятием.

Вспомним тот же лубок эпохи Первой мировой войны (например, вроде «Жена Вильгельма – шельма»). Самый главный, собственно говоря, вопрос, насколько все – и то и другое, и Тютчев с Данилевским и «журналистика», и лубок соотносятся с мифологическим представлением о Западе, с представлением того, на 90% (или чуть менее того) безграмотного населения России, каковым оно было условно до 30-х годов 20-го века? Но ведь после того, как так называемая всеобщая грамотность в России победила, мы можем уже не обвинять

«высоколобых» да «журналистов» в «производстве некоего продукта “в отрыве от масс”» и реальной политики, а фиксировать знакомство со всякого рода пропагандистскими текстами широких слоев населения. В контексте этого не понятно, почему Вас заинтересовала именно Первая Мировая война, а не начало Второй Мировой войны, когда возникает достаточно неожиданно поворот в советском пропагандистском языке. После 1937–38-годов, когда в советской пропаганде, где собственно Запад почти не присутствует, а в «лучшем случае» присутствуют гестапо, фашисты и троцкисты, вдруг возникает Англия, возникает опять как главный враг на период 1939 – конец весны 41-го года. Ведь это на самом деле совершенно резкий и неожиданный поворот в пропаганде, поворот против Западной Европы, в первую очередь, Англии... Как будто на Западе не было прогрессивных сил, не было Коминтерна. Это все игнорировалось, вместо этого – прогерманская и антизападная парадигмы!

Возникает вопрос: насколько этот новый поворот в пропаганде укоренился, насколько эта пропаганда была понята и принята, была взята на вооружение широкими массами теперь уже грамотного (или полуграмотного) населения? К сожалению, выбранная для анализа Первая Мировая война с точки зрения сегодняшнего поворота к антизападничеству как-то намного сложнее воспринимается, объясняется и – рифмуется с сегодняшним днем.

Ведущий
Предлагаю докладчикам среагировать на высказанные суждения и вопросы.

Сергей Сергеев
Выделю два вопроса, которые меня заинтересовали, один прямо мне был задан, а второй, начну с первого, который был задан. Речь пошла о том, насколько этот антизападнический дискурс был распространен в русском общественном мнении, Потому что, если слушать мой доклад, получается вообще сплошняком, да нет же, конечно, на самом-то деле русские

интеллектуалы и русская интеллигенция гораздо более были настроены прозападно, в основном, как и славянофилы, и Тютчев, и Данилевский, они были в меньшинстве, в целом русское общественное мнение, по крайней мере до периода правления Александра III было либерально, социалистически настроено, и в целом к Западу относилось скорее позитивно, другой вопрос, что но когда стали преобладать в русском общественном мнении скорее народнические настроения, народнический дискурс, то он повел в общем упомянул, то же в сторону антизападничества Александра III, о чем я, собственно говоря, упомянул. Вопрос здесь сложный, в разные периоды было по-разному, я приведу здесь просто простой пример, во время Крымской войны ведь, ближе к ее концу большинство русского мнения занимало пораженческую позицию, и не только, кстати, западники, славянофилы, ждали, когда эта война закончится и можно будет приступить к реформам, это исторический факт, в воспоминаниях Соловьева можно прочитать. А вопрос о соотношении внешней политики Российской Империи и этого антизападнического дискурса тоже такой непростой. На самом деле, скорее всего, и Тютчев, и Данилевский, и Леонтьев не были никакими серыми кардиналами или интеллектуальными творцами внешней политики, они пытались влиять, очень хотели влиять, предлагали свои проекты, но самодержавие руководствовалось своими прагматическими интересами, просто чтобы было понятно, ведь центральной идеей и Тютчева и Данилевского, например, было разрушение Австрии и поддержка славян, но ни Николай I на это не шел, ни Александр II не шел на это никогда, игнорировали, всегда был подозрителен для императорского правительства, арестовывали тех же скажем славянофилов в 90-е годы, ведь Тютчевские предложения они же были игнорированы на самом деле в 40-е годы, о чем он в своих письмах писал. В определенном смысле славянофильская концепция вроде бы стала побеждать во время войны с Турцией в 78–79 годах, которая была воспринята, как борьбу за освобождение славянства, самодержавие пошло на уступки Западу на Берлинском конгрессе, это было воспринято как национальная

измена, Аксаков произнес пламенную речь, за которую он был отправлен в ссылку, и славянские комитеты были распущены. Т. е. на самом деле, я уже не говорю про Леонтьева, который казался чудным фантазером, и всерьез его в коридорах власти никогда не воспринимали.

Татьяна Филиппова

Благодарю за «человека в футляре». Образ работает в этом качестве как очень интересный носитель мифологизированного сознания. Он коррелируется определенным образом с карикатурой, но имеет свою собственную насыщенную «природу», это очень важная вещь для выяснения стереотипов сознания, не только отразившихся в литературной классике, но и порождённых ею. Мне очень понравилось также замечание, выводящее на тему утилизация традиционных мифов с помощью самых современных технологий. Вообще прагматическое использование пластов исторической памяти с помощью высокотехнологичной пропаганды, масштабный пиар подобных вещей – это и научно-практическая, и чисто исследовательская проблема особой актуальности.

Обратим, кстати, внимание на то, как это делается, скажем, в Голливуде, на материале научной (и не слишком) фантастики. Природа страха, фобийности, воплощённая, к примеру, в сериях про инопланетного «Чужого», состоит в том, что «враг-монстр» поселяется в тебе самом, изнутри меняя или убивая твою природу. Страх «потерять себя» под внешним воздействием – это как бы «проговорка» современного западного общества – по поводу боязни потерять свою самость под внешним воздействием. А это многое объясняет в критических риториках в адрес всех «иных», «чужих», «пришлых» и как таковых, делая их «врагами». (И, кстати, служит оправданием упреждающего нападения на «чужого».) Репертуар фантастических образов врага в подтексте включает в себя самые разные страхи «западного» происхождения.

Возвращаясь к вопросу Геннадия Бордюгова, – были ли в истории моменты угасания мифа и явной работы в этой области, – конечно, были. Пример: блестящая работа европей-

ских элит, в том числе и российских, по преодолению франкофобии после Наполеоновских войн. В 1815 году, после окончательной победы над Наполеоном (и как реальным противником, и как образом агрессора), элиты победителей и европейский бомонд изрядно поработали над тем, чтобы избавить Францию от образа-символа врага всей Европы, и перенесли эту фобию на фигуру Наполеона как «единственного виновника» общеевропейских военных бедствий. «Француз» при реставрированной монархии перестал быть для России врагом, это заметно по нашей печати, это заметно и по тогдашней карикатуре, которая создавалась отнюдь не народным мышлением, а профессионалами, но с учётом лубочной, низовой традиции.

И ещё один прецедент: 1918 год, об этом я уже говорила. В отечественной сатирической литературе произошло размывание, преодоление образа «Запада» как внешнего врага («австриец», «германец») под влиянием шоков революции, пошедшей не по тому сценарию, который считала желательным либеральная печать. В работах журналистов-сатириков зазвучали ноты самокритики: мол, никакой внешний враг – ни с Запада, ни с Востока – был бы не страшен, если бы само российское общество умело защищать свои интересы и независимость России, как от внешнего врага, так и от внутреннего (большевиков и прочих «левых»)...

Отметим: раннесоветская пропаганда довольно прагматично подходила к тому, *кого* изображать своим врагом. В том числе и с «Запада». Поступление американской помощи в 1920-х вывело «американца» (на время) из сферы враждебных риторик. Это нельзя было назвать работой по деконструкции языка вражды, в том числе и потому, что тогда ещё не сформировался во всей полноте образ Америки как противника. Для советского же времени в целом было характерно использование антизападного настроения как удобной отсылки ко всему, что вредит «извне» благополучию Отчизны «здесь и сейчас».

В поздне- и постсоветский периоды приливы размывания образа «Запада как врага» случались, скорее, стихийно. Созна-

тельная рефлексия на эту тему (как было справедливо замечено Геннадием – прецедент Сорокина) имела превращённые формы, проявляясь, к примеру, в эстетизации соответствующих риторик. Те глубинные пласты сознания, в которых отложились массовые настроения недоверия к Западу, остались в сохранности.

Вопрос о ситуации «пинг-понга», то есть взаимного обмена образами вражды. Да, конечно, этот приём был свойственен журналистике начала XX века. Причём буквально. Отечественные сатирические и вполне серьёзные издания очень часто попросту перепечатавали западную карикатуру даже без снабжения её даже какими-либо комментариями. Бестактность, злость и, как бы мы сейчас сказали, неполиткорректность западной сатиры эффективно работали против самих её создателей и заказчиков. Характерный пример из 1914 года – перепечатанные «Новым Сатириконом» из австрийского сатирического издания карикатуры на «братьев-славян» – черногорцев. Почему, вы думаете, в Черногории горы черные? Да потому, что черногорцы ноги не моют и грязнят своими собственными ногами свои собственные горы. Этот юмор «ниже плинтуса» отечественные сатирики приводят как пример характерного антиславянского пасквиля, признак антикультурности австрийских журналистов...

Вопрос, почему я разрабатываю тему фобий на материале именно Первой, а не второй Мировой войны. Потому что именно Первая Мировая война, на мой взгляд, создала современный, *модерный язык вражды* в карикатуре, в сатире, в стихах. То, что делали потом советские мастера сатиры, все было родом из журналистики того времени – стилистически, образно, эстетически. В советское время мало было создано принципиально новых изобразительных средств по части форм трактовки и интерпретации Врага. Советские художники и поэты под мощным прессом идеологии лишь ужесточили и немного опростили этот модерный язык вражды, разработанный в годы Великой войны талантливейшими сотрудниками лидеров дореволюционной сатиры – журналов «Сатирикон», «Новый Сатирикон», «Бич», «Шут», «Будильник» и пр.

Если же отслеживать точку кристаллизации в России репертуара образов вражды в отношении Запада, то надо обратиться ко времени Русско-японской войны, как я уже отмечала. Тем более, что в тогдашней Японии одновременно наблюдалась едва ли не истерическая западофилия на фоне антирусских настроений. Дошло до того, что и в японской карикатуре и в сатирических рассказах стала проводиться мысль: японец лишь снаружи «желтый», а внутри он «белый», то есть «западный» человек. Тогда как русский – он снаружи «белый», а внутри – «желтый», то есть «азиат». Стало быть, японская европеизация – это именно то, что делает японца «равным» человеку «Запада».

Ещё пример из истории зарубежной сатиры. Расцвет турецкого сатирического рисунка в 1980–1990-х годах сопровождался критическим осмыслением роли Запада в Турции. Однако в ту пору «Запад» критиковался не за то, что он Запад, а за то, что он попирает свои же нормы либерализма, демократии и свободы и насильно тянет мир в свою систему ценностей. Турецким журналистам-либералам важно было сохранить возможность остаться турком, но при этом идти своим путем демократического развития страны. Для нынешней турецкой карикатуры более характерен критический настрой к Западу как антидуховному, антикультурному, антирелигиозному фактору.

Отношение же к «Западу» оказывается каждый раз (и не только в Турции, разумеется) одним из важнейших идентификационных факторов при построении обновлённой системы духовных ценностей, моральных норм, оценочных категорий, самой стилистики политической культуры.

Второе заседание

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ МИФА: ПРИРОДА И СТРУКТУРА

Александр Люсый
Не сотвори себе Запада

Одной из главных проблем реализации национальных интересов России является относительная слабость контролируемых механизмов формирования позитивного образа страны. Уменьшение влияния и геополитическое отступление России на постсоветском пространстве во многом обусловлено тем, что Россия после распада СССР не смогла сформировать действенные механизмы формирования своего позитивного образа в странах постсоветского пространства, как среди политической и бизнес-элиты, так и среди большинства граждан.

Историософский подход к проблеме основан на анализе долговременных структур, действие которых происходит в масштабах столетий, на протяжении жизни многих поколений. Сторонники этого подхода ставят в центр своих исследований изучение культурных механизмов, за счет которых происходит изменение образа России, и сопоставляют динамику этого образа с циклами либеральных и антилиберальных реформ на протяжении XIX–XX веков. По их мнению, по мере прохождения ряда циклов реформ и контрреформ ценностные и институциональные основы западного и российского общества постепенно сближаются, а это делает возможным и необходимым все более интенсивное общение России с западными

странами. Соответственно, постепенно в циклически-колебательном режиме модифицируется и образ России, как внутри страны, так и за ее границами. При этом совершенно не учитываются различного рода краткосрочные конъюнктурные факторы, которые и являются самыми важными для практических политиков. Этот подход не позволяет ответить на вопрос: через какие социально-политические механизмы поддерживается действие этих долговременных структур?

Глобалистский подход учитывает, прежде всего, глобальные факторы в формировании образа и имиджа страны, при этом характеристики образа той или иной страны постоянно сравниваются с некими всеобщими мировыми социально-экономическими и политическим индикаторами, такими как, например, демократия, рынок, права человека. Формирование образа страны, согласно этой концепции, происходит, главным образом, в информационном поле межкультурных глобальных процессов. Образ страны в данном случае выступает как некий межкультурный феномен, некое промежуточное звено анализа действительности, подчиненное развитию универсальных ценностей и межкультурных идентичностей в той или иной стране или регионе.

Имиджмейкерский подход связан с анализом распространения образов через средства массовой коммуникации, здесь главным предметом изучения выступают национальные стереотипы и механизмы, а также уровни их воспроизводства, включая изучение мифологии, манипуляций и виртуализации политических и социальных процессов. Основопологающим в этой концепции является формирование каналов влияния на массовое сознание или сознание целевых групп, в котором образ страны является плодом внутреннего мифотворчества и воображения. Функционирование этих каналов зависит от работы СМИ, координируемой и направляемой креативными имиджмейкерами. Сторонники рассматриваемого подхода полагают, что столкновение созданных имиджей создает некий баланс влияния и интересов среди разных стран (в силу относительной дешевизны создания имиджа в сравнении, например, с созданием ядерного оружия), поэтому имиджмейкеры

должны постоянно трудиться как над формированием имиджа своей страны, так и противодействовать атакам на него извне. Как только работа по формированию имиджа страны приостанавливается, как правило, возникают проблемы восприятия страны за рубежом, поскольку другие страны в это время могут продолжать процесс формирования имиджа, бренда и репутации своего государства, интересы которого зачастую, противоречат интересам государства, в котором власть не уделяет внимание пропаганде своего позитивного имиджа. В этом контексте имиджмейкерский подход в какой-то мере подвержен влиянию теории рационального выбора (в особенности, принципам игры с нулевой суммой, являющейся главной матрицей международных отношений в соответствии с концепцией политического реализма).

Наиболее перспективным в качестве методологии исследования, учитывающим *сетевой подход*, является тот, что основан на теории неинституционализма. Сетевой подход позволяет выстроить сложную иерархию взаимодействия социальных сетей и факторов разных типов, начиная с самых краткосрочных и политически актуальных, например, с народной дипломатии и личностного формального и неформального взаимодействия представителей разных стран. Кроме того, сетевой подход позволяет наиболее адекватно изучить и модифицировать конкретные механизмы реализации факторов, формирующих образ страны, и эти механизмы, в отличие от имиджмейкерского подхода, учитываются, уже начиная с уровня повседневного общения конкретного человека.

Сетевой подход, в отличие от историософского, учитывает различного рода краткосрочные конъюнктурные факторы, которые и являются самыми важными для реальной политики. В рамках сетевого подхода могут быть эффективно выявлены социально-политические механизмы, поддерживающие действие долговременных структур и институтов, при этом отрицается какой-либо идеологический или институциональный детерминизм. Сетевой подход уделяет большое внимание анализу социальной и даже политической жизни в структурах массовой повседневности. В рамках этого подхода только на

следующем этапе, уже как вспомогательные, разрабатываются и применяются информационные технологии эффективного воздействия на формирование образа страны. В рамках этого подхода, как и в глобалистской концепции, также используются механизмы применения «мягкой силы» (soft power). Однако сетевой подход, в отличие от глобалистского, учитывает, применяя инструменты воздействия «мягкой силы», структуры социального взаимодействия первичного уровня (регионального, группового, межличностного, гендерного и профессионального).

В практике международных отношений и в социально-гуманитарных науках вопросы субъективного восприятия стран долгое время считались второстепенными по сравнению с их «реальным» потенциалом. Однако для постиндустриального мира характерны развитые системы коммуникаций и получения информации. И потребители, и производители в своей деятельности в значительной мере ориентируются на сознательно конструируемые в сознании характеристики объектов. В связи с этим, обратное воздействие субъективного воспроизведения реальности на саму реальность стало объектом пристального внимания в международно-политической практике и обслуживающих ее научных дисциплинах.

Образ страны – это знаковая модель, опосредующая представления о национальной общности и ее членах через доступные обыденному сознанию понятия и суждения. Далеко не всегда он соответствует реальному положению дел и объективным показателям национального развития. Характер представлений о себе и о своем месте в мире («внутренний» образ страны) оказывает определенное влияние на восприятие страны за ее пределами («внешний» образ). В то же время отношение к «иному» и соотнесение себя с другими национально-государственными общностями всегда было и остается одной из основ утверждения собственной национальной идентичности. Образ играет активно-действенную роль в поведении человека, регулирует поведение, осуществляет функции управления действиями. Это имеет место и в международных отношениях.

Понятие образа страны тесно связано с понятием «национальные стереотипы». Стереотип – стандартизированный и устойчивый образ, позволяющий получить обобщенное представление о целой категории однородных явлений или объектов. Стереотипы очень устойчивы, сохраняются на протяжении жизни нескольких поколений.

«Самоконцепция» любого народа или «образ себя» как бы распадается на три составляющие: «образ для других», «образ для себя» и «образ в себе». «Образ для себя» осознается общностью и представляет собой набор характеристик, которые кажутся позитивными и желательными для нее. Здесь имеет место своя мифология и символика, которые имеют коммуникативное значение внутри этнической общности, для сторонних наблюдателей они почти незаметны. «Образ для других» можно описать как «переведенный» на язык, понятный для представителей других культур, набор приписываемых себе определений. Здесь также имеется собственная символика и мифы о своей общности, которые пропагандируются с целью наладить адекватную (с точки зрения «образа для себя») коммуникацию с внешним окружением.

В отличие от них «образ в себе» бессознателен, однако именно он определяет согласованность и «ритм» действий членов данной общности. Поиск русской и российской идентичности неразрывно сплетен с проблемой «Россия и Запад», ведь именно «Запад» был в новое время тем «значимым Другим», противостояние и диалог с которым играли и играют решающую роль в определении национальной идентичности, формировании «русской идеи», поиске направления и содержания развития страны. Конечно же, речь идет не о реальном Западе, а скорее о «мифе Запада» или ментальном образе Запада, олицетворения и символы которого для русских в разные исторические эпохи были различными.

Вряд ли так уж удачно известное определение Борис Гройса, что «Россия – подсознание Запада» (скорее площадка для мыслительных экспериментов). Более верным представляется обратное «Запада» как навязчивой идеи России. Тогда «миф Запада» предстает в качестве одной из констант российской

традиции. «Наша страна не просто испытывает на себе влияние Запада. Запад и Россия возникли в качестве цивилизаций как результат прививки на разные этнические основы одного культурного черенка. Их развитие происходило не рядом, а параллельно. Скорее всего, развитие России по-особенному, внутренне, а не внешне, связано с развитием Запада»¹.

Известные дихотомии О. Шпенглера культура и цивилизация оригинально проявляются в заданном контексте таким образом: Европа – понятие скорее культурное, Запад – цивилизационное. Культура обладает свойством более органичного усвоения и переработки мифов, цивилизация ставит их производство на конвейер, впрочем, запуская и конвейер их утилизации. С Европой у России не так уж и много проблем, российская культура, безусловно (или пусть даже условно) органическая часть европейской культуры, с Западом же преимущественно проблемы. О. Шпенглер назвал было свою книгу «Гибель Запада». Так русские переводчики тут же его и «поправили», получился «Закат Европы».

Само слово «запад» в русском языке генетически негативно. «Се запад дней» (С. Бобров). В России немало потрудились над мифом запада. «...Весь Запад, – писал Ф. Тютчев в начале Крымской войны, пришел высказать свое отрицание России и преградить ей путь к будущему». Антироссийская коалиция из нескольких стран, возникшая в результате ошибочной внешней политики России, это все-таки не «весь Запад». «Весь Запад» в таком понимании для России – это фантом, приобретающий кровь и плоть в результате чрезмерной веры в него. В стихах Тютчев писал, что «В Россию можно только верить», но как политический мыслитель сам уверовал – в «Запад»! Через много лет А. Белый оказался поэтически более точен и трезв, отмечая в письме: «И говорят нам – “Мы запад”. Но на западе “запада нет”. И говорят: “мы восток”. Где “Восток”?.. Почему же все-таки “Восток или запад”? Да потому, что все треснуло: омертвела культура и – валится... раско-

¹ Пастухов В.Б. Конец русской идеологии (Новый курс или новый путь?) // Полис. 2001, № 1. С.53.

лотые половинки души симметрически закачались и выпали из нас – западом и востоком». Как писал он же в поэме «Глоссолалия», «Наши восток и запады – мумии нашего духа».

Остается неясным – сможет ли экономическая культура капитала и рациональные ценности либерализма, как более «совершенные» в соответствии с концептом «прогресса», полностью вытеснить уникальные уклады жизни различных мировых цивилизаций. С другой стороны, капитализм, тождественный в экономике либерализму, в Европе с 18 века, в России с 19-го, а в мировом масштабе с 20 века занимает доминирующее положение, зачастую прекрасно сочетаясь с любыми не-западными культурами. Но если следовать подобной логике, то реальных противоречий у западничества и славянофильства нет. Противоречия инспирируются либо двусмысленностью исторической терминологии сегодня, либо применением данного антагонизма в прикладных целях, когда оппоненту приписываются негативные коннотации, связанные с одним из данных течений.

Терминология западников и славянофилов, некритически используемая сегодня, несет исторический шлейф смыслов, который вовлекает спорящие стороны совсем в иную, уже «почившую в Бозе» логику спора, отвлекая от политических реалий складывающегося на наших глазах пост-индустриального общества. Суть исторического спора сводилась к проблеме модернизации страны, приятию или отторжению Россией середины 19 века капитализма, а также соответствующей этики: быть ей целерациональной утилитарной этикой капитализма и прогресса, нацеленных на эффективность, логику прибыли и выгоду, либо оставаться православной эквивалентной «этикой дара», характерной для традиционных обществ. Та же проблема, но в другой формулировке: что важнее – экономика капитализма, формирующая логику и ценности западного (= универсального) типа культуры, либо национальная культура, которой нужно (или вовсе не нужно) жертвовать в угоду логике экономического развития. Сегодня спор в действительности сместился несколько в иную плоскость. Речь уже не идет о том, быть или не быть капитализму, поскольку Рос-

сия де-факто включена в него, но о том, каким капитализму быть в пространстве национальной российской культуры. Иными словами, не что такое капитализм, но при каких условиях он максимально эффективно смог бы работать в России. А эффективность здесь зависит от гармонии с ценностями и культурой, то есть «надстройкой» над экономическим базисом: менять культуру под экономику, либо приспособлять экономику к культуре.

Т. е. в современных условиях фантом продолжает активно функционировать как в российских, так и «западных» головах. Об этом, в частности, идет речь в книге У. Хаттона «Мир, в котором мы живем» (М., 2004), которая могла бы послужить изменению самой традиционной историсофской парадигмы отечественного сознания, помещающей Россию между Западом и Востоком. В зависимости от исторических обстоятельств, Россия основные европейские веяния заимствовала, как в случае с чисто европейским феноменом коммунизма, модифицировала или оспаривала европейские веяния, но так и не стала частью Европы, потому что выбрала «американский» путь преобразований.

Хаттон проясняет, что теперь реальное положение России – не между «Западом» и «Востоком». В действительности Россия находится между «ближним» Западом (Европой) и «дальним» (США), по характерной российской инверсии оказавшемся в 1990-е годы «социально близким». Так что «младореформаторы» швырнули Россию, по чикагским моделям шоковой терапии, на дальний («дикий») Запад, вместо того, чтобы идти по более щадящему европейскому «ближнезападному» пути, сохраняющему более высокий уровень социальных гарантий. В результате получился аналогичный орудийному после выстрела на поле Бородино откат на Восток. Важно оценить характер этого отката. Ранее, как только Россия территориально продвигалась на Запад, Европа сжималась в отторжении. Но когда это продвижение осуществлялось на Восток, Россия представляла как передовой отряд западной цивилизации, что повторяется и в ходе текущих военных операций Запада на Востоке.

Теперь о проблеме политического субъекта и языка политологии. С одной стороны политический субъект является безразличным и пассивным как целое, но воображающим и активным как фрагментарность или актуализация размещения в некоторой спектральной возможности бытия-значения (которая принципиально равнозначна с другими возможностями-линиями). Колебание между этими двумя- (и-многими) состояниями и характеризует сферу современной субъективности.

С другой стороны, на универсальном языке выразимо лишь общее, то есть тождества культурного опыта. Различия, составляющие основу неповторимости символов культурных матриц, поддаются выражению, лишь следуя своим внутренним правилам игры и аутентичной внутренней логике смыслов. Кроме того, субъективизм, критика и идеология в политических понятиях неустранимы, так как они детерминированы не только сущим, но и должным той политической практики и культуры, в рамках которой они были выработаны. В отрыве от собственной культурной реальности они могут мутировать из категориальных понятий в идеологические штампы с подвижным смыслом, отражающим интересы интерпретатора.

Сейчас поле смыслов спора классических западников и славянофилов настолько размыто, что без предварительного определения их содержательного наполнения они не поднимаются выше идеологии. Эти идейные концепты подчиняются власти дискурсов, интересы которых они призваны отстаивать. Содержание начинает приписываться самой логикой спора. Здесь ключевые понятия, формирующие структуру проблемы, превращаются в носителей идеологических коннотаций, превращаясь в мифологемы. Типичный пример – причисление к славянофилам государственников, националистов, коллективистов, монархистов, а к западникам, соответственно, рыночников, либералов, индивидуалистов и т. д. Подобные абстрактные понятия черпают свою легитимность в некоем общем согласии, молчаливой отсылке к консенсусу относительно их интерпретации. Однако при ближайшем рассмотрении, оказывается, что можно быть и западником-националистом и почвенником-индивидуалистом и т. д., в зависимости от ситуации, сферы, контекста и т. п.

Сегодня в области политических идей вместо национально-государственных западников и славянофилов сталкиваются глобальные западники и антиглобалисты. По мнению последних, климатические, культурные, географические отличия национальных экономик обуславливают невозможность глобального слияния на нормативных истинах демократии, свободы и капитала. Если глобализм реализует «генетические ценности» «универсального» неolibерального экономического порядка, то антиглобалисты указывают на его особенность, явное противоречие этическим, историческим, национальным, экономическим принципам укладов не-западных экономик, где устранение особенностей этих укладов, фактически, означает кризис основанных на них экономик и политик.

Нетрудно заметить, что экономическая глобализация формирует мировое разделение Труда и Капитала, где страны Капитала получают сверхприбыль за счет организации людской и сырьевой эксплуатации слабых стран Труда/Сырья, не входящих в «ядро глобализационных процессов». Более того, «свободная конкуренция» стран «второго» и «третьего» мира между собой за потоки глобальных инвестиций истощает эти страны, лишает ресурсов для национально ориентированного развития. Глобализация отвергает эквивалентный экономический обмен. Любой обмен между субъектом и объектом глобализации носит ассиметричный, властный характер, связанный с изъятием прибавочной стоимости у тех, кто ее произвел.

Сегодня альтернативы глобальному западничеству связываются в основном с маргиналами как общества: анархисты, экологи, антиглобалисты, различного рода меньшинства, так и странами-маргиналами, которых эксплуатирует «глобальный мировой капитал», и которые (в марксистской логике) должны будут ответить на эксплуатацию созданием «глобального интернационала угнетенных», в составе всего «третьего» и бывшего «второго» мира. В свое время эта идея реванша Маргиналов, выдвинутая Г. Маркузе, соотносилась с левыми идеями. Ее спорность состоит в том, что маргиналы как люди, выкинутые из системы, вовсе не превращаются автоматически в анти-системную силу. Скорее система, в случае возникнове-

ния реальной угрозы со стороны «маргиналов», пойдет на увеличение издержек их содержания. То есть, приручит, адаптирует и нейтрализует эти разрозненные группы, скорее, чем те смогут (и смогут ли), составить ей действительную альтернативу.

По мнению российских антиглобалистов, реального политического субъекта, который мог бы противостоять «золотой миллиарду», как субъекту глобализации, после краха СССР и соцлагеря не существует. Россия как отдельное государство способна защитить себя лишь с помощью автаркии, позитивные результаты которой весьма спорны. В настоящий момент альтернатива асимметричной глобализации связана лишь с трансформацией самого Запада, как субъекта глобализационных процессов, демобилизацией его политической воли в результате исчерпания пределов роста (сырьевых, технологических) или природных катаклизмов.

Политическая мифология, выполняя «иллюзорно-компенсаторную» функцию, представляет собой понимание политической реальности, способное определить относительно комфортное место человека в мире политики. Бинарная оппозиция «свои – чужие», «наши – не наши» позволяет конструировать в политическом мифе образ культурного антигероя в зависимости оттого, каков критерий определения «чужого» и «нашего».

В настоящее время в западной прессе постоянно говорится о противоборстве России с Западом. Все чаще журналистами используется риторика времен «холодной войны». Негативный образ России позволяет западным политическим элитам решать целый ряд собственных задач. Их перечислил в своей публикации в газете «The Times» Анатолий Калецки. «Появление Владимира Путина как врага номер один на мировой арене удобно для всех, – пишет он, – Джорджу Бушу это помогает прикрыть геополитические провалы в Ираке и презрение к стремлению европейцев добиться перемен в климатической политике; руководителям Германии и Великобритании Путин помогает скрыть провалы атлантической дипломатии, а новичку Николя Саркози дает возможность проявить свой жесткий

характер, не становясь при этом на антиамериканские позиции. Руководство Европейского Союза получает возможность продемонстрировать солидарность с вновь принятыми в ЕС странами Восточной Европы, не идя при этом на отмену принятых по отношению к ним дискриминационных мер»².

Эти негативные образы России с Запада переходят и на постсоветское пространство. Постсоветские элиты используют их для того, чтобы интегрироваться с западными элитами, выставляя себя в качестве «форпоста борьбы с Россией». Кроме того, в ряде государств (страны Балтии, Украина, Грузия) обвинения в контактах с Москвой используются прозападными и националистически настроенными элитами с целью испортить имидж своим оппонентам.

Постсоветское пространство, согласно Э. Геллнеру, относится к «4 поясу» процесса «ирредентизации», т. е. становления новых наций и национализмов³. Любой возникающий национализм должен быть направлен против какого-то внешнего врага («негативного интегратора»), который используется для объединения, интеграции новой нации. К сожалению, практически для всех стран постсоветского пространства, объектом такой «интеграции против» является Россия как бывший имперский центр. Кроме того, рост подобной риторики провоцируется использованием России в качестве «негативного интегратора» многими странами «3 пояса» Э. Геллнера (страны Восточной Европы и Балтии).

Имидж страны представляет собой те компоненты образа, которые поддаются целенаправленному воздействию. Имидж России, по крайней мере, со времен Петра Великого, строится, прежде всего, по признаку отношения к Западу. В то же время, имидж России на постсоветском пространстве как сознательный инструмент нашей внешней политики, практически не проработан. Фактически здесь также используются различные позитивные стереотипы. Следовательно, необходима разработка специальной имиджевой политики на постсоветском

² Казанцев А.А., Меркушев В.Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» // Полис. 2008. № 2. С. 57.

³ Геллнер Э. Нации и национализм. – М., 1991.

пространстве, отличной от имиджевой политики нашей страны в других регионах мира.

Нынешний год Первой мировой медиа-местечковой войны отмечен наполнением заданной дихотомии свежей кровью. На Украине эти понятия никакие не абстракции, а повседневная реальность вооруженного противостояния, втягивающая в себя риторически несовместные Запад и Восток. Исход во многом зависит, с одной стороны, от взаимопонимания России с европейским Севером, с другой – Югом, законодателем цен на нефть.

Модернизация России, имея свой, исполненный специфических противоречий «фирменный стиль», разворачивается в неустойчивых полях глобального пространства – экономическом, политическом и культурном. Взаимодействующие на этих полях национально-государственные и транснациональные субъекты подчиняются определенным нормативным правилам с разной степенью принуждения. В экономическом поле эта степень наиболее высока, в политическом – ситуативно более гибкая, в сфере культуры – минимальна. Успешность российского современного «модернизационного рывка» во многом будет зависеть от «сложения сил», ответственных за формирование «национального стиля» модернизации в трех «полях» глобального пространства – экономическом, политическом и культурном. Он предполагает, что в «поле» российской национальной экономики следует ожидать усиления влияния глобальных транснациональных систем правил, поскольку на этом «поле» уже сегодня явно прослеживаются тенденции к интеграции в мировой рынок.

Сложность текущей ситуации заключается в том, что, по мнению ряда исследователей, в данный момент в России ощутимого запроса на модернизацию нет не только в элитах, но и в массе общества. Это неизбежное следствие социальных трансформаций, требующих структурных и функциональных изменений во всех сферах общественного организма – экономической, политической, социальной, культурной и т. п. Исторически при таких трансформациях наблюдается увеличение функционального разнообразия всех частей социального

целого, сопровождающееся также умножением в этих частях новых форм, поскольку еще не выработаны правила для всего разнообразия функций.

Владимир Карнец Самодиагностика и хирургия

Прежде всего, я хотел бы продолжить метафору господина Люсого, и сказать следующее: грань между историей и современностью не просто зыбкая, а ее вообще нет. Мы говорим о мифе, но давайте вспомним хорошее определение Алексея Федоровича Лосева: «Миф – развернутое магическое имя». Здесь, перед нами, конечно, не миф, а идеологема в контексте исторического времени. В то же время она жестко отражает реальность, и, чтобы это понять, надо выделить парадигму этой реальности, без чего мы просто не сможем обратиться к современности.

Запад действительно, в отличие от России, изначально стремится к созданию однополярного мира – на собственной основе или на порабощении всего, что не есть Запад. Подоснова этого – несколько обстоятельств. Первое, и главное – линейно-временное восприятие Ветхого Завета. Второе – представление об универсальности римского права и связанного с ним института собственности. Далее – римско-католическая доктрина богослужения только на трех языках – еврейском, греческом и латинском. Причем в результате – почти только латинском. Далее – кальвинизм с его учением о предопределении. Отсюда – предопределение глобального Запада, destiny. предопределен. Ну и наконец, и феодальные представления о земле как объекте купли-продажи.

В России все иначе. Не будем здесь подробно останавливаться на дохристианской веротерпимости, идущей от ведической эпохи, ограничимся эпохой христианской. Восточное

Православие восприняло Ветхий Завет с его «сакральным геноцидом» символично-онтологически, как образы невидимой брани не с народами, а с бесами, что относится прежде всего к монашескому «умному деланию». Новый же Завет русские восприняли «всеязычно», в духе Пятидесятницы. Земля, «земля благая» – образ Богородицы и Святого Духа, а, значит, не может быть объектом купли-продажи. «Земля-Божья и Государева, а так ничья». Веротерпима была даже и Золотая Орда, от которой Русь долгое время пребывала в военной и экономической зависимости. В первые века после Орды, когда у власти были Рюриковичи, Русь не считала себя и врагом Ислама, и даже на освобождение Константинополя смотрела скептически. «Государства всей вселенной не хотим» – говорил Иван Грозный. Собственно, Русь, хотя и была хранительницей Православия, практически не занималась, в отличие от Запада так называемым «миссионерством», которое нам сегодня навязывают церковные обновленцы. Это не русская традиция, это традиция Запада. Органическая черта России – «цветущая сложность», как говорил Константин Леонтьев.

Но, с другой стороны, государственно-правовое устройство России и Запада также взаимно противоположно. Но только здесь уже в данном случае обратным образом. Средневековая Русь-Россия не знала феодализма, но знала тягловое, по выражению Ключевского, общинное государство, вошедшее в плоть и кровь народного сознания. Одни защищают государство, другие кормят тех, кто его защищают. Кровь барина как бы обменивается на пот крестьянина, и все в одинаковой степени – «люди Божьи и Государевы». Сам Государь тоже носитель прежде всего обязанностей, а не прав. Европа видит и всегда видела в Русском тягловом государстве стремление к порабощению феодализма и демократии, что в данном случае архетипически одно и то же. Этого нет, на самом деле. Русский мир по сути своей веро- и культуро терпим, но Запад в это не верит, и всегда стремится и будет стремиться, так сказать, к превентивному уничтожению России, как государства и к ассимиляции – в лучшем случае – русских, как таковых.

Теперь, собственно, о «русском западничестве». Вопреки общему мнению, оно начинается не столько с Петра Великого, но с раскола 17 века, и даже раньше. «Западничество» – не столько фактор общественной мысли, сколько, строго говоря, целый ряд рецептов, подобных рецепции римского права в Европе в средние века, но только быстрых и насильственных, продолжающихся по сей день. Все началось со смены самой парадигмы времени: в Православный Символ веры была внесена латинская формулировка «Его же Царствию не будет конца» вместо русской «Его же Царствию несть конца» – о Предвечном Сыне Божиим Иисусе Христе. Это фундаментальное различие. По-гречески, кстати, точный перевод – «нет и не будет», что в конечном счете ближе к русскому. Вот – первая и главная рецепция – ведь параллельно на Западе как раз идут реформы хронологии, и вот Россия входит в это глобальное обновление «Великий Петр был первый большевик» – писал Волошин. Если продолжать эту логику, Никон – первый глобалист. Московское Царство, Третий Рим, было действительно удерживающим – не только политически, но и метафизически, время его было иным, нежели время Запада, неуклонно вступающего на путь «просвещения», которое с точки зрения православного сознания было подготовкой к приходу антихриста. И вот начинается «взаимная гонка» с Западом – кто кого перегонит? Но до тех пор, пока оставалась в России Царская власть, «удерживающий» не отымался. Потому как элита – уже западническая, так и контрэлита – революционная и тоже западническая, синхронно оспаривают саму Царскую власть, хотя и расходятся меж собою в частности. Да и сама Царская власть отчасти теряет ориентиры – иначе она бы сопротивлялась рецепциям, а не способствовала им. А она способствовала. Такова её роль, например, в запоздалой рецепции феодализма – с Указа о вольности дворянства 1762 года, который дает формулу крепостничества в его негативном смысле, противоположном «крепостному закону» тяглового «всеуравливающего полновластия» (В.О. Ключевский).

В феврале 1917 года элита свергает Царскую власть, и далее рецепции идут в ускоренном, геометрически прогресси-

рующем темпе. Такова рецепция марксизма, такова почти всеобщая рецепция западного права и евроатлантических правовых представлений после 1991 года, таких как доктрина прав человека, правовое государство, разделение властей, политический плюрализм, «гражданское общество» и т. д. В то время как сами понятия права и обязанности в России никогда не разделялись. Наш замечательный правовед Николай Николаевич Алексеев в тридцатые годы, в эмиграции, вводит понятие «правообязанности» – в противовес «правовому государству», и обращает его как к старой России, так и к СССР. И дело, конечно, не в том, что «правовое» государство» и «гражданское общество» плохи сами по себе. Они хороши там, где они естественным образом исторически родились и развивались. Но привитые к чужому дереву, они дали и дают России дурные плоды.

Но есть еще и, так сказать, историческая инерция русского народа, который умеет «обкатывать» любые западные рецепции, и делать их если не своими, то, скажем так, «полу-своими». Так произошло после Великой Отечественной войны с марксизмом, отчасти так произошло после 1991 года и с демократией. Отсюда наше знаменитое, ставшее притчей во языцех выражение: «Как живем? По закону или по понятиям?». Так вот, когда мы говорим, что мы живем по закону, мы говорим, что живем по рецепции. А когда говорим, что «по понятиям», оказывается, что мы живем по древним, даже архаическим, но органически своим представлениям. Интересно, что в «Русской правде» Ярославичей присутствует слово «наезд», и оно означает точно то же самое, что сегодня. Однако такое «полу-освоение» никогда не становится полным, внутренняя кериigma рецепции начинает работать сама по себе («Больше социализма, больше демократии» после 1985 года, «За честные выборы, против жуликов и воров» в 2010–2012 гг.), и... – Россия снова оказывается беременна новой смутой. А изначально и исконно боящаяся Россию и стремящаяся ее превентивно уничтожить Европа, и вообще Запад, сразу же, мгновенно использует эту двойственность – против России, разумеется.

Что необходимо? Прежде всего, углубленное самопознание и самодиагностика, преодоление двойственности через подлинное возвращение к себе. До тех пор, пока этого не произойдет, Запад будет использовать наше раздвоение в своих геополитических целях. Будет провоцировать смуту для обрушения России – как конкурента и как предмет панического страха. Происходящее на Украине и в Новороссии – тому пример, и здесь я решительно не могу согласиться с уважаемым германским коллегой. Украинский народ и русский народ – это один народ, и Евросоюз сегодня пытается отторгнуть одну часть нашего народа от другой. Но то, что мы это видим, в этом участвуем, может стать и исцелением, может стать болезненной хирургической операцией по удалению раковой опухоли археомодерна, поразившей Россию вот уже как минимум три с половиной века. Все остальное уже накладывается. Если угодно, это хирургический нож в руках Бога. Поэтому я полностью согласен с выражением «русская весна» относительно того, что происходило весной этого года. Но надо сказать, что «русская весна» вызвала резкое сопротивление именно российской бюрократии, ибо она, почти целиком прозападная, компрадорская бюрократия – главная носительница рецепции и археомодерна. Она мешает «русской весне» вовсе не потому, что боится санкций или хочет экспортировать углеводороды (все это вторично), но потому, что в Новороссии действительно рождается совершенно новая политическая элита, абсолютно новая, действительно исторически русская.

Новороссия есть новая Россия, в которой, похоже, начинают в качестве строительных сил реально сочетаться две исторически противостоявшие друг другу, но неотъемлемо соединенные в «начертании России» идеи – Белая и Красная, монархическая и социалистическая. И это вызвало и будет все более вызывать все более яростное сопротивление либерально-республиканской бюрократии – именно так. Поэтому либо Россия вместе с молодой Новороссией осуществит эту тяжелую и опаснейшую хирургию нашего старого Западного края и вместе с народом Малой России вернемся к самим себе, в общий Русский Дом, либо все вместе перестанем существо-

вать. Сегодня – Украина, завтра Новгород, послезавтра Карелия, потом так называемые независимые республики Сибири и Урала.

В конечном счете, хирургия по отношению к чему? К нашему собственному западничеству, во всех его видах. Ведь раковое заболевание, похоже, на последней стадии. Но если Бог даст, то операция пройдет успешно. Исцелится и Россия, и Западу более нечего будет бояться, потому что мы займемся своим, коренным делом, и сам «Запад» для нас как мифологема – со знаком «плюс», или со знаком «минус» – исчезнет. Как поется в песне, «не нужен нам берег турецкий, чужая земля не нужна».

Ведущий

Итак, мы выслушали два взгляда на проблему. Предлагаю докладчикам задать друг другу вопросы.

Александр Люсый

Владимир, Вы использовали широкое поле, обращаясь к русской правде, но западничество Вы ставите точкой отсчета раскол, а как же тогда принятие христианства?

Владимир Карпец

Это совершенно отдельная тема, это вопрос взаимоотношений, кстати сказать, очень актуальный для русского национального движения. Я считаю, что здесь необходим, наконец, диалог между русскими православными и русскими новоязычниками. Сам я православный христианин, но с большим вниманием отношусь к этим людям, к родноверам в том числе. Я считаю, что мы, русские люди, должны начинать диалог – без какого-то вмешательства извне, решить этот спор, в конце концов, как наш старый русский домашний спор. Именно поэтому я сознательно сейчас эту тему не затрагиваю, считаю, что она отдельная и может быть ее не надо выносить сейчас на такие обсуждения. Но, полагаю, что в ко-

нечном счете 21-й век должен каким-то образом если не положить этому спору конец, то хотя бы наметить некие вехи его разрешения.

А к Александру у меня не вопрос, а маленькая реплика. Просто Вы говорили о переводах Шпенглера, а я, например, перевел бы более точно – «Закат заката», но это все же филологический вопрос.

Александр Люсый

«Закат Европы» это сам по себе какой-то жанр, гибель Запада и сумерки Запада, а сумерки это закат, а для Шпенглера это закатная земля, закат заката, но это не Европа. Как писал поэт восемнадцатого века Семен Бобров, «се Запад дней», закат солнца и запад – это негативное что-то...

А к Владимиру у меня такой вопрос. Вот Вы говорите, что в Новороссии рождается новая Россия, мы увидим в Новороссии новое лицо России, вместе с тем, то, что образует Новороссию, совершенно не является чем-то единым, есть группа Гиркина, есть группа Захарченко, группа Пушилина, а есть группы казаков. Каким Вам видится из всего этого лицо новой России?

Владимир Карпец

«Русская весна», которая была раздавлена бюрократией, – это, с одной стороны, Стрелков, а с другой, Губарев, это соединение монархической белой идеи и русского социализма. Губарев – это русский социализм, а Стрелков – дроздовец-монархист. Два потока. У меня самого недавно вышла книга, простите, забыл я ее взять с собой, «Социал-монархизм». Да, сейчас не весна, и не без помощи псевдосоратников-патриотов, не хотелось бы называть их имена, так как все знают прекрасно, о чем и о ком идет речь, например, о Кургиняне.

Ведущий

Давайте все-таки идти по пути накопления вопросов и суждений по выслушанным докладам.

Беленкин Борис

Мне очень интересно, я сейчас сразу же констатирую то, как я понял выступавших, я их особо не разделил между собой. Мне кажется, одно как бы продолжает и развивает другое. Я понимаю эту панель, этот час как бы вослед выступавшим, что Запад как враг – это скорее не реанимация исторического мифа, а новая реальность. И тут разговор о мифе вообще неуместен. Единственное, с чем я согласен, это, конечно, не миф, а идеологема. Когда мы раньше говорили – западники, славянофилы, обсуждали какие-то течения, нюансы, возможности и т. д., мы все-таки говорили о некоторых интеллектуальных усилиях, интеллектуальных пониманиях, интерпретациях точек зрения. Все это было. Сегодня, с моей точки зрения, мы перед некоей очень интересной реальностью находимся, и я не знаю, была ли когда-нибудь в России подобная реальность. Вот это мне интересно – реанимация исторического мифа или новая реальность, идеологема? Неважно что, но мы видим, что это принимается не просто большинством населения, а подавляющим большинством. И возникает вопрос: почему это так, что здесь сработало?

Владимир Симиндей

Очень интересный вопрос и на него, наверное, не может быть какого-то исчерпывающего ответа, с другой стороны, ответ на него прямо напрашивается – пресловутые двойные стандарты и разрушение образа Запада, как строго учителя демократии, кроме того, это расходящийся образ Запада, как самодовлеющей ценности и Запада, как ценного инструмента, Запада, как носителя ценных инструментов. Учиться у Запада, почему-то, это, наверное, это очевидно, этот посыл никуда не денется в силу западной риторики, другой вопрос, что некоторые западные ценности кажутся все более и более сомнительными в обществе, или они представляются, скажем так, и не всегда инструментами. Ну, в самом деле, толерантность – ценность или инструмент? Другие вещи. Естественно, эти сомнения в тех моментах, которые на западе считаются важными, ценными, они естественно подхватываются средствами

российской массовой информации, вопросы, связанные с положением сексуальных меньшинств и т. д., они в общем являются не сильно актуальными, и естественно, актуализируются, принимая определенное консервативное настроение в обществе, раздувают вопросы, делая Запад еще более смешным. Кроме того, из свежей памяти «эффект Псаки», когда мы видим, что артикуляция американской внешней политики осуществляется при весьма посредственных интеллектуальных способностях. Это делает американскую внешнюю политику, и без того не лишённую противоречий, очень смешной. Нынешняя волна антизападной риторики это, в общем, и последствия еще и двух историй, пропущенных Западом шансов по втягиванию России в новую волну модернизации или постмодернизации. Речь идет о периоде так называемого раннего Путина. Мы же прекрасно с Вами можем вспомнить, когда пути всерьез разошлись, 2008 год. С этого момента мы наблюдаем очень серьезный откат, который так или иначе по тем или иным поводам привел бы к схожим результатам. В данном случае, как мне видится, власть и средства массовой информации, и рвущиеся за власть они просто улавливают определенные тренды, которые есть и, естественно, тот ветер, который дует в паруса и используется властью для политических целей. Поэтому антизападные настроения, которые существуют, это проекция тех ошибок Запада, которые мы наблюдаем сегодня. Поэтому это осознание Запада, что вроде бы Россия хотела принять определенные стандарты Запада, не ведет к каким-то ответным позитивным жестам. Мы помним, что наиболее популярным политиком, «лучшим немцем», был Михаил Сергеевич Горбачев. Когда Советский Союз, реальная сила откуда-то уходит, что-то отдает, это очень хорошо. Это воспринимается на ура, когда возникает обратный тренд это воспринимается как сигнал тревоги, как повод для расщепления старых идеологем.

Сергей Гуляев

Я не историк, я представитель скорее науки, математик я по образованию. У меня вопрос ко всем присутствующим по поводу того, здесь противопоставляют два понятия: миф и ра-

циональное знание. Но как быть в такой ситуации, если для какой-то части сообщества утверждение является мифом, а для другой это рациональное вполне знание. Я приведу конкретный пример, связанный с Украиной. Вот такое утверждение: США хотели при определенном раскладе политических событий на Украине основать в Крыму свою военную базу. Для части нашего сообщества, силовых структур, например – это вполне рациональное утверждение, оно обосновано какими-то разведанными. Это вполне рациональный факт, который привел к совершенно определенным следствиям. А для другой части общества – это миф, потому что, ну как США могут вести себя подобным образом по отношению к России. Вот как быть в этой ситуации?

Сергей Сергеев

У меня реплика по поводу того, почему возникла такая сильная волна антизападнических настроений. Тут много было правильно сказано, но среди прочего я хотел бы еще все-таки добавить, что, на мой взгляд, это некая попытка заглушить на самом деле то чувство гигантского отчаяния, которое находится внутри у большинства населения нашей страны по поводу того, что состояние, собственно говоря, России ну просто-напросто тупиковое. Поэтому возникла прекрасная возможность выплеснуть какие-то эмоции и забыть о том, что мы на самом деле находимся в полнейшем тупике. А вопрос Владимиру Игоревичу Карпецу у меня такой: Ваш идеальный, так скажем, социал-монархизм и реальность Путинской России, в каком соотношении они находятся? Мне-то, насколько я знаю Ваши взгляды, мне кажется, что они ведь очень далеко, и мне не очень понятно, почему Вы питаете какие-то надежды на какие-то возрождения, тем более с учетом на территории вот этой маленькой Новороссии, которая всецело зависит от Российской Федерации.

Владимир Симиндей

Почему так получилось? Отвечаю уважаемому Борису Беленкину. Так получилось потому, что были найдены во

время правильные слова, какие слова легче воспринять для населения, наблюдающего телевизор каждый день: фашизм, нацизм, геноцид, истребление. Эти слова были найдены, сказаны правильно и выбран был конкретный враг – Украина. Потому что это было вовремя, потому что слов было мало, и они были точными, и потому что украинские пропагандисты оказались менее квалифицированными, менее удачливыми, менее изобретательными, и не сумели выдвинуть какие-то контробразы России. Война идеологически и информационно Украиной была проиграна навсегда. Они никогда не установили никакого статус-кво, они не сумели мобилизовать украинцев на защиту Украины. Не было ощущения границ Украины, государственности Украины, которая выстраивалась двадцать с лишним лет.

Людмила Гагагова

Вот, Владимир (Карпец – *ред.*), Вы сказали, что украинцы и русские – это один народ. Т. е., я так понимаю, что Вы используете чисто экстенциалистский подход. Да, это был один народ, но сегодня, наверное, это другая реальность. Ведь, что такое народ? Это то, как он сам себя идентифицирует, точно также как человек, его идентичность такова, какую он сам себе заявляет. Т. е. получается, что Вы как бы отказываете украинцам в их собственной самоидентификации? Я просто хотела это уточнить.

Фальк Бомсдорф

Мне, откровенно говоря, сложно дать оценку, потому что я уже пять лет не присутствую в России постоянно. Мне, конечно, не хватает обоснования многих тезисов, которые можно оспаривать. Кроме этого, хочу сказать: каждый имеет право на свое мнение, без сомнения, но никто не имеет право на свои факты. Вы действительно говорите о том, что американцы, если я правильно Вас понял, имели план создать военную базу в Крыму? Такого плана никогда не было и не будет. Для меня это просто загадка. Как может математик, по моему впечатлению, интеллигентный человек, интеллектуал, делать такое утверждение?

Сергей Гуляев

Я сказал, что для определенной части силового сообщества это являлось неким рациональным фактом, отработывая который они предпринимали определенные действия в реальности. Это для них не был миф, это для них была реальность.

Фальк Бомсдорф

Господин Макаров мне в перерыве сказал, что действительно были планы у США по ведению войны. Это не только миф, это не соответствует действительности. Таких планов у военных США не было. Я считаю, что ваши военные действительно очень хорошо информированы, знают об этом. США хотели бы создать военную базу в Крыму? Зачем, с какой целью? Это совсем иррационально. Интеллигентный, критически мыслящий человек не может принять это как факт. Это пропаганда, это ложь. Все это вне моего понимания.

Андрей Макаров

Хорошо, я коротко отвечу. Приведу два факта. Первое: ряд событий, которые мы фиксируем 15 лет – югославской войны, затем иракская, ливийская, сирийская и т. д. Все это за пределами нашего сознания, но это факт. Второе: присутствие американцев в Афганистане, который гораздо дальше от Америки. Тем не менее, там армия воюет десять лет, и поэтому наличие планов создания любых баз американских в Крыму воспринимается вполне как возможная вещь.

Геннадий Бордюгов

Я понимаю озабоченность Фалька, но мне хотелось бы вернуться к главному нерву завязавшегося интересного разговора, и в данном случае хорошей провокации со стороны Владимира Карпеца. Когда Вы, Владимир, говорите о соединении социалистической и монархической идей (а я в принципе согласен с тем, что новая реальность действительно сейчас возникает), у меня сразу возникает сомнение, как у историка, потому что Ваша идея – идея утопическая, тесно связанная с мифами – принимайте наш образ будущего как канон, без вся-

кого обсуждения и критики. И неважно, что этот образ вбирает в себя рациональное и иррациональное, знание и веру. Когда большевики, как Вы сейчас, нарисовали новую реальность, в стремлении к ней они повсюду спотыкались, в том числе развенчивали эту новую реальность применяемыми ради нее средствами. Слушая Вас, отмечаю ту же тенденцию. К примеру, какие рецепции существуют сейчас в Русской православной церкви, она единой стала? Вы говорите о бюрократии, которая сопротивляется «русской весне», но если она «русская весна», тогда она прозападная. И, наконец, самое важное, насколько вот эта новая утопия (я в кавычках все беру, потому что это предмет спора) будет рукотворной, управляемой в реализации. Ведь большевики на этом споткнулись, поскольку считали, что всем можно управлять, все можно спланировать, любые средства хороши. Чем это закончилось?

Ведущий

Предлагаю докладчикам отреагировать на вопросы и наши комментарии.

Александр Люсый

Ко мне не так уж много было вопросов, в частности, скорее замечание, что Запад – не миф, а идеологема. Идеологемы создаются именно в результате реанимации мифов, создания новых мифов, так что здесь это взаимосвязано. Большевицкая идея – это идеологема и мифологема. Что касается работы этих идеологем в современной реальности – сейчас олицетворением «фашизма» стал украинский президент Петр Порошенко. Но это скорее псевдоним, он стал реинкарнацией Степана Бандеры, к которому всегда было негативное отношение. Он тоже был сложной, противоречивой фигурой, то он с одними воевал, то с другими, но сейчас в центре Львова возвышается памятник Бандере как победителю, триумфатору. Какой-либо более сложной рефлексии, с элементами покаяния, в нем не воплощено. У нас тоже, говорят, восстановили Феликса, но все же другого Феликса. А в Львове Бандера – абсолютный победитель.

Мои рефлексии касательно Новороссии заключаются в вопросе, сколько там этих Новороссий? На самом деле их две, основных Новороссии. Это Новороссия ополченцев и Новороссия Коломойского. Собственно, он же запустил вместе с Ахметовым сам этот проект Новороссии. Это не ополченцы придумали. Новороссия сначала выдвигалась как олигархическая альтернатива Януковичу. Сейчас эти две Новороссии, т. е. регионализация Украины или все-таки отделение территории, борются между собой. Вот эти две идеи борются сейчас, так непредсказуемо работают мифологемы. Я готов согласиться с немецким коллегой, к сожалению, он вышел сейчас, готов поверить ему, его гуманитарной осведомленности, что никаких планов создания американских баз в Крыму не было, но именно предполагаемые визиты туда американских кораблей еще в 2006 году впервые вызвали в Крыму массовое возмущение. Скоро, во второй половине дня, придет издатель одной из этих книг про тогдашнюю «российскую весну», «Операция АнтиНАТО. Феодосийский протест», собрание материалов и документов, из которого видно, какой был тогда мощный подъем и в Феодосии, и в Севастополе, и в последний момент тогдашний президент Украины Виктор Ющенко отменил визит сюда американских кораблей. Очевидно, что уже тогда была предпринята первая попытка вовлечения этого пространства в военные интересы Запада. Вместе с тем я хочу подчеркнуть, что не имею в виду исчезновение Запада как врага, что Запад вообще должен исчезнуть как какая-то реальность, потому что в реальной политике то, что мы обсуждаем, не находится в контексте извечных проблем Запада и Востока. Вероятно, мы вообще не должны так всерьёз пользоваться этими понятиями, рассматривая какие-то конкретные ситуации. Я сказал в конце, что север Европы – вот вектор экономического сотрудничества, а на юге – место, где определяются важные для нас цены на нефть. Сейчас нужен новый, более конкретный политический язык, где хорошо бы Западу и Востоку уделить как можно меньше места. Многие немецкие интеллектуалы уже задумались об этом, о том, какое найти применение отжившим понятиям, которые сейчас уже

не работают. В Германии говорит: «Я не Запад, я не западный человек, я просто немец и все тут». Впрочем, там тоже есть внутренний Запад, ведь Запад и на Востоке есть, здесь говорили, есть же Запад исламский, буддистский, т. е. и у них внутренний Запад. На Востоке Запад, а в Европе есть Восток, т. е. галльский мир – это Запад, а Германия – это Восток. Потом, впрочем, изобрели еще Восточную Европу.

Еще одно дополнение. Я был свидетелем того, как Фальк вел публичную дискуссию со знаменитым японским славистом Мицуёси Нумано, и Нумано сказал, Вы знаете, мы западные люди испытываем сложности, общаясь с нашими русскими коллегами... Где тут Восток, где Запад? А писатель Владислав Отрошенко приводит такой эпизод: японский профессор спросил у меня, как я *лично* отношусь к тому, чтобы Россия вернула Японии четыре южных острова из архипелага, которые стали камнем преткновения русско-японской политики. У меня не было никаких оснований смотреть на этот вопрос с *личной* точки зрения. Я ответил японскому профессору, что в моих мыслях о пространстве Курильские острова никогда не являлись мне на ум. Я также сказал ему, что пространство как феномен чисто политический интересует меня мало. Суждения русских или японских политиков о пространстве не обладают для меня такой же ценностью, как суждения Канта или Бергсона».

Уж если говорить о моем личном отношении, то меня интересует проблема воздействия различных пространств и территорий на процессы творчества. И я тоже задал вопрос японскому профессору: «Если бы исторически сложилось так, что Восточной Сибирью владела бы не Россия, а Япония, что произошло бы в сознании японцев? Смогли бы они сочинять лаконичные трехстишия – *хайку*, создавать крохотные скульптурки – *нецке*, любоваться цветущими вишнями – *сакурами*? Продолжали бы они испытывать то, что в Японии называется *мононо аверэ* – печальное очарование бытия?». Японский профессор ответил: «Даже думать о таком гигантском пространстве тяжело. Оно убило бы японскую душу».

Владимир Карпец

Было задано довольно много вопросов, поэтому я не знаю, уложусь ли в регламент, но постараюсь. Значит, первый был вопрос, когда была в условиях России реальность, о которой я говорил, была ли она всегда и т. д. Я скажу, что да, это было всегда. То, что происходит сейчас, есть продолжение, того, что собственно, было всегда. Теперь дальше, был вопрос Сергея Михайловича Сергеева. Я именно от Вас, Сергей Михайлович, собственно говоря, и ждал чего-то подобного и дождался. Надежды на Путина, надежды на Новороссию и т. д., можно ли совместить те взгляды, которых я придерживаюсь, с реальностью, конкретно с тем, что Вы назвали надеждами на Путина. Могу сказать, что не испытываю абсолютно никаких иллюзий в отношении лично Путина, как и вообще кого-либо. Для меня важно совершенно другое: любой правитель России, оказавшийся на том месте, на котором находится Путин, после Ленина, (Ленин выпадает, для меня он разрушитель, царцубийца, вместе с остальными поделщиками заложивший в основу СССР идею суверенитетов вплоть до отделения) это, скажем так, «местодержатель» – не местоблюститель, а именно местодержатель, бессознательный причем, пустующего Императорского Престола. Хороший он, плохой, нравится нам, не нравится – не важно. Он сидит в Кремле, возле Успенского собора, и так или иначе оберегает Царское место.

Теперь конкретно о Путине. Интеллигенция его терпеть не может. Попробуем разобраться в этом без гнева и пристрастия. Здесь употреблялось выражение «ранний Путин». Он, прежде всего, продолжил экономическую политику Ельцина, то есть рыночные рецепты, антисоциальность, что сразу было, да и остается для меня решительным негативом. Но это как раз для интеллигенции было вполне приемлемо – ведь это все во имя «прав человека», и «как в Европе». Но вот переломил хребет внешнеполитическим уступкам и продолжает, будучи заблокированный «демо-бюрократией», усилия по прорыву к суверенитету России. И что «креативный класс»? Большой свободы для него, чем это было при «раннем Путине» в отношении творческого самовыражения, возможности высказы-

ваться, печататься, писать все, да все что угодно, вплоть до этих самых пресловутых сексуальных ориентаций, не было. Не преследовали практически ни за что. Хорошо это было или плохо, правильно или неправильно, другой вопрос, но это было. Как повел себя «креативный класс»? А очень просто, по пословице, простите за выражение, – посади свинью за стол, она и ноги на стол. Интеллигенции свободы было мало, она захотела власти, причем всей власти. И что оставалось власти? Естественно, защищаться. Это законы выживания. Путин до последнего продолжал делать «креативному классу» примирительные жесты. Он лично, из своего кармана профинансировал создание артефакта чисто интеллигентской некоммерческой культуры – фильм Александра Сокурова «Фауст». В итоге? Интеллигенция продолжает вместе с «мировым общественным мнением» травлю Главы государства.

Россия, вне каких-либо «масок», объективно была и остается монархическим по природе своей государством. «В России может быть или монархия, или анархия», причем анархия – лишь на очень короткий срок». Это говорил ни кто иной, как Нестор Иванович Махно. С гипотетическим падением Путина начинают отделяться регионы. Региональные элиты соединяются, опять-таки, с креативным классом и ведут откровенно сепаратистскую политику. Пример – Екатеринбург, где уже все готово, и американцы уже подключились. Да, с падением Путина начнется распад России. Это жесткая реальность. И этого допустить нельзя.

Но все же, если?.. – спросите вы. Да, тогда все сначала. Да, Земский собор, да, возможно, после гражданской войны и диктатуры, и да, тогда уже «окончательное решение» вопроса о Русской государственности – никуда мы от этого не денемся. Тогда Земский собор, как в 1612–1613 гг., и его окончательное решение – уже навсегда. Да, я монархист, но я вовсе не хочу монархии любой ценой, ценой очередной бойни. Оптимальным считаю иной путь – через принципат, изменение титула Президента на Верховного Правителя и назначение Преемника, что, по сути, уже есть. Фактически у нас уже реально сложилась передача власти по Указу Петра Первого от

1721 г. Как монархист, я, естественно, сторонник династических начал, но пока что, на худой конец, тем более что безусловного Наследника Престола нет, сойдет и это. В надлежащую историческую минуту, ни минутой раньше и ни минутой позже, Преемником должен будет стать тот, кто во всех – именно во всех, и прежде всего родовых, отношениях достоин Престола.

В отношении социальной составляющей. Разумеется, не может быть речи о марксистском социализме, хотя, конечно, советский организационный опыт может и должен быть использован. Но по большому счету социал-монархизм – это некий аналог социал-демократии, т. е. условно говоря, социал-монархическая экономическая политика очень близка на самом деле к социал-демократии. Но это не демократия, а монархия, которая совместима с любыми социально-экономическими формами, в том числе и с социалистическими, в силу исторических и географических условий наиболее приемлемыми для нашего «месторазвития». И я думаю, что уже сейчас надо делать решительные шаги к «социализму сверху», в том числе, чтобы левые силы не сделали еще одну попытку утвердить его «снизу». Уже сейчас так называемый «экономический блок» правительства должен быть смещен и заменен теми, кто ориентируется на социальную экономику.

По поводу идентичности украинцев. Иван Франко, уж какой «щирий», возмущался, когда его называли «украинцем», говоря, что он русин, и Леся Украинка в паспорте писала «русинка»... Вы скажете, что сейчас народ себя осознает иначе. Во-первых, не весь. Во-вторых, что именно мы имеем в виду? Я считаю, что происшедшее на Украине, это результат полтора-двавековой общей работы, целенаправленной и долгой работы, Польши, австрийского генштаба, большевиков, прежде всего, самого Ленина. Результат – острое безумие, массовое «скакание», что является первым признаком умопомрачения и сумасшествия. Простите, пожалуйста, но что делать с психически больным человеком, который был Васей Ивановым, допустим, а потом стал говорить, что он Наполеон? Поддерживать его в том, что он Наполеон? Я думаю, ответ очевидный. При этом

никакой хулы ни мови, ни культуры! Пусть расцветают сто цветов, как говорят китайцы. Кстати, социал-монархический проект предполагает широчайшее местное самоуправление и широчайшую национальную, культурную и религиозную автономию.

Людмила Гатагова

В свете Вашей речи я поняла, что социал-монархический проект включает Украину в свои пределы. Так ли это? Т. е. Вы не принимаете данность, сложившуюся уже сегодня в течение двадцати пяти лет?

Владимир Карпец

Конечно, включает, как, в принципе, включает в себя вообще всю территорию Российской империи. Спрашивали также, не повторение ли это большевистской утопии. Нет, речь идет о всплытии извечного архетипа, одного и того же, который в свое время подспудно изменил и сам большевизм. Ведь даже «советское» 1948 года – это совсем не «советское» 1918 и даже 1924 гг. Надо просто не мешать этому всплытию. Спрашивали также, есть ли поддержка Русской Православной Церкви. К сожалению, нет, хотя есть священники, которые интересуются, но руководство церковной политикой сейчас находится в руках таких лиц, как митрополит Иларион (Алфеев), настроенных экуменически, в целом проевропейски. Они готовят так называемый Всеправославный Собор, который мыслят как Восьмой Вселенский. Но, согласно традиции и канонам Церкви, Вселенский Собор может быть созван только Православным Императором. Они получили сейчас то, чего добивались в начале прошлого века – так называемую «свободную Церковь в свободном государстве». От чего и для чего свободную? – это уже иной вопрос. Надежда лишь на толщу православного народа и на монастыри, на строгое, глубокое и верное монашество, на серьезных духовников.

Третье заседание МИФИЧЕСКОЕ В «ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙНАХ»

Глеб Павловский

Историзация и политизация идеологии:
две стороны мифа

Я в довольно неудобном положении, потому что предпочитаю обычно выступать с поправками к другим выступлениям, как многие. Это, во-первых. Во-вторых, меня несколько смущает вообще использование слова «миф» без кавычек, особенно в современных дебатах, где в публицистической части слово «миф» ничего не значит: оно может означать все что угодно, т. е. является некой формой лжи, пропаганды, самообмана. Но в сколько-либо аналитическом контексте, мне кажется, опасно использовать это слово, ведь мы хотим найти сегодня угол зрения с наименьшей аберрацией в отношении многочисленных факторов, которые препятствуют анализу, и при обсуждении мифологического компонента политики, мне кажется, лучше в большинстве случаев не пользоваться словами «миф» или «информационная война», а также прочими словами из этого ряда. Потому что, в конце концов, миф присутствует на всех сторонах дебатов, он присутствует на стороне критиков меньше, чем на анализируемой ими стороне, и перебранка вряд ли нас куда-либо ведет. К тому же более

важный элемент, мне кажется, заключен в том, что научные, идеологические и политические платформы эпохи принципиально не совпадают, они асинхронны, и ощущение, что есть несоответствие политического, идеологического и научного, появилось за достаточно короткий, хотя чрезвычайно мощный период – это период холодной войны. Но ни до, ни после нее, мне кажется, говорить о каком-то комплексе, о гомогенности политики идеологической и политической просто невозможно, как, впрочем, достаточно бессмысленно говорить и использовать даже немифологические объединяющие категории, такие как «Россия», «Евразия», «Запад». Их можно употреблять, но опять-таки в формах, я бы сказал, шоу-политики, какой-то является современная публицистика, политика картинок.

Говорю это к чему: мы присутствуем довольно часто в обманчивой ситуации – сегодня мы, по-моему, в ней находимся, – когда происходит расхождение идеологических и политических презентаций. Как опять-таки после холодной войны, их совпадения довольно редки и каждую из них можно рассматривать отдельно. Собственно говоря, когда они раздвигаются, это всегда порождает синдром хаоса в мире, возникает утверждение, что мир вступил в эпоху хаоса, хотя на самом деле ровно наоборот: мы начинаем опознавать некоторые элементы реальности, необязательно правильно, но, во всяком случае, получаем возможность избавиться от aberrаций, в которых очень комфортабельно пребывали перед этим.

Я хотел выступить со слегка запрещенным приемом своеобразного хеппенинга. Десять лет назад я много думал, разговаривал и начал писать то, что даже я сегодня опознаю сам как некую попытку конструирования мифа. Этот миф был посвящен именно идее России как мишени интегрального Запада, России как объекту, подвергающемуся близкой угрозе превращения в, как я для простоты говорил в интервью, евреев XXI века, в новую разновидность плохой общности – неправильной, порочной, извращенной, в нового чужого Европе, причем чужого не в мягкой форме, в которой Россия всегда как маргинал Европы пребывала, а в жесткой форме цивилизации, подвергаемой исключению. Т. е. речь шла не о том, что

есть Запад как некий субстанциональный враг, который озабочен проблемой России, – это очень простая манипуляция, она легко развенчивается, уже на уровне отсутствия Запада как чего-то опознаваемого за пределами текущей политической полемики.

Речь шла о том, что именно Россия создает ситуацию потенциальной консолидации разных стран против русских, и эта коалиция, консолидирующаяся против России, вполне может называться Западом с теми же правами, с которыми в конце сороковых годов конструировался Запад, в который по неизвестной причине входила Турция, допустим, или – еще смешнее – монархии Ближнего Востока, в какой-то момент даже входила Югославия, а с другой стороны, не входили страны Восточной Европы. Сегодня я бы сказал, что существует реальная основа для построения не только простых противопоставлений, которые используются сегодня, например в российских средствах массовой информации, когда Запад объединяется с набором обычно не проанализированных, негативных характеристик разного уровня, где совмещены элементы курса сегодняшних праворадикальных европейских партий, элементы околороссийские, иногда элементы нашего массового сознания, ну и реальный текущий конкурент, в данный момент речь идет об Украине, например, но это могла бы быть и не Украина, в некоторое время это мог бы быть и кто-нибудь другой. Все это, на самом деле, неинтересно для анализа, а интересно уровнем интенсивности, уровнем снятия ограничений, которые надо бы объяснять отдельно: почему и каким образом в России сегодня можно снимать любые ограничения на рациональное правдоподобие и насколько эта практика ограничена. Ведь можно снимать любые ограничения, поэтому если, строго говоря, можно описывать таким образом чужих, то в сегодняшнем мире можно так описывать и своих, и мы это видим в социальных сетях.

Но существует потенциал построения очень глубокого раскола, как говорят в слегка криминальном мире журналистов и политтехнологов, разреза, который затрагивает Россию. Этот разрез базируется на историческом параллелизме случайной

или неслучайной синхронизации двух гигантских проектов, проектов 89–90-го годов, когда на субконтиненте Европы возникли две колоссальные государственные формы. Я имею в виду Российскую Федерацию и объединенную Европу – миф, который опередил оформление самого соглашения в начале 92-го года, хотя и не намного, и эти две формы легитимировали себя прошлыми признанными преступлениями, якобы действительно совершенными членами этих сообществ и их предками. Евросоюз, объединенная Европа включала в себя, конечно, две мировых войны, холокост и немецкую оккупацию Европы, а Российская Федерация – две революции и сталинизм. Оба государственных образования утверждали, что они прекращают процесс, подводят черту, к прошлому возврата нет, и само государственное конструирование, проектирование государства и политика на первых порах обосновывались именно задачей исключения. Т. е., таким образом, в основу политики XXI века легли учредительные преступления XX века, которые лежат в основе генезиса единой Европы и России.

Но дальше возникает важное расхождение, потому что если в Европе нарастало стремление элиминировать историческую составляющую идеологии, превратить ее в нечто подытоженное и выносимое в сферу академической науки (история – пожалуйста, но история – это академический вопрос, она не может быть политическим вопросом, а есть политика памяти, это другое дело, и она здесь не подвергается колебаниям), то в России шел обратный процесс: в России шла историзация политических обоснований, презентаций и политической жизни. Она идет ровно столько же лет, сколько существует Российская Федерация. Мы имеем в виду достаточно ясный тренд разных попыток построения историзированной идеологии – идеологии, которая базируется на описании прошлого, и это описание является все более важным, все более травмированным и травмирующим, как мы видим сегодня, и все более значимым. Т. е. здесь возникло очень существенное расхождение, и для нашего исторического описания понадобились объекты и субъекты, понадобилось населить этот мир разными существами, в том числе Западом. Очень интересно, что внутри Запада сегодня доминируют не США, а Европа.

Это очень интересно, потому что в нашей внешней политике в последние 20 лет сохранялась «американская догма», как я ее называю, т. е. представление, что мировые проблемы и проблемы возвращения России какого-то места в мире можно решать с Соединенными Штатами. Но оказалось, что США не подходят для образа конкретного врага, и мы ясно видели, как осуществляется перенос функций врага с США на Европу – это происходило на протяжении всего этого года, хотя началось с антигомосексуальных и других компаний 12–13-го года. Но в ясной форме перевод Европы в качество врага произошел в этом году. С одной стороны, возникает вопрос, почему: это вопрос контента, Европа заселена пороками, которые близки и описуемы в нашей лексике; США уж конечно полны пороков, но их пороки более абстрактны, и здесь больше риска задеть, так или иначе, неправильные меньшинства. Нам трудно описывать пороки Соединенных Штатов, обходя, с одной стороны, темнокожих, с другой стороны, еврейское население и т. д., т. е. это неудобный враг. И сегодня в нашем описании Запада мы как будто парадоксально образом вернулись к достаточно короткому периоду позднесоветского описания, когда существовали неофашистское ФРГ и за ними США. Мы вышли в каком-то смысле к образу врага.

Мы не должны принимать за основу анализа фрагменты, а иногда и целые большие нарративы из российских, а иногда и не только российских медиа. Бедность нашего сегодняшнего анализа состоит в том, что мы оперируем теми же самыми фрагментами, которые на самом деле должны быть деконструированы, и в этом смысле опасно обсуждать тему борьбы мифов, информационного оружия и т. д., потому что, скажем, в США, в широком смысле слова в западном мире также существует ориентация на поиск противника, врага, и некоей хотя и культурно понимаемой войны. Мне кажется, что сегодня надо определить несколько полей исследования. Во-первых, из уважения к своим собственным прошлым предрассудкам, это вопрос, в какой степени Россия вообще может политически, идеологически или еще как-либо устойчиво описана как враг, т. е. может ли реально возникнуть ситуация,

которую нам навязывают манипулятивно, что Россия почему-либо, в какой-либо ситуации действительно превратится в глобального чужого. Это реально опасная ситуация, которая создала бы возможность неожиданных коалиций, в том числе и политических, и крайне бы затруднила и коммуникации, и любые формы обмена. Возможно ли это? Мне кажется, что этот вопрос недостаточно исследуется именно потому, что одни все время провозглашают наличие вражды в такой мифологической форме, как ее описывают, а другие это оспаривают как манипулятивный образ. Но встает вопрос, за счет каких элементов поведения, культурного образа возможно построение опасной, враждебной, плохой России, потому что это реальная интересная и культурная проблема. Возможна ли действительно устойчивая расизация России в современном мире? Говорить, что социальные сети это исключают, не стоит, потому что социальные сети, как мы уже выяснили, вполне способны создавать временные ситуации, которые тоталитарные государства когда-то создавали большими усилиями в закрытых обществах. Сегодня криптототалитарная ситуация может возникнуть мгновенно в виде инъекции, как мы видели опять-таки в этом году вокруг Украины.

И второй вопрос о медиа. Он полон подробностей, но, с другой стороны, он всем нагляден. Можно ли сказать, что то, что мы видим сегодня, то, что делают сегодня российские медиа, – это всего лишь информационная пропаганда, политическая пропаганда, промывание мозгов и т. д.? Все эти понятия относят к феномену, иному, чем тот, с которым мы имеем дело сегодня. И по качеству, по образу действия, по массивности это нечто другое. И сохраняют ли они в этом случае качество медиа? Конечно, легко сказать, что, с точки зрения журнализма, это деградация медиа, но я думаю, что это и преобразование, метаморфоза. Российские СМИ превращаются в нечто другое и потенциально в нечто более политически и инструментально значимое, чем большинство подсистем современного Российского государства, в том числе и политических подсистем.

Сегодня центральные медиа очевидным для меня, во всяком случае, образом более значимы, чем Государственная Дума

и даже, я произнесу некоторую ересь, Администрация Президента Российской Федерации. Это не значит, что они являются каким-то несвязанным, незаконным объектом, но они являются трудно опознаваемым объектом, таким же трудно опознаваемым, как и пресловутое КГБ в определенную эпоху в интерпретации тогдашних мифов. Я говорю о том, что из мутации центрального советского телевидения, сросшегося с аппаратом управления, в девяностые и нулевые годы вырос некий новый феномен, который намерен расширять зону применимости и намерен действовать не только в идеологической, но и в финансовой, экономической и других сферах. И в каком-то смысле социальные сети не являются для него реальным оппонентом – в большинстве случаев они являются для него благоприятной средой, его периферией, которая используется. Это вещь, которая, как мне кажется, требует некоторого рассмотрения. Поэтому здесь, мне кажется, существует выход к новой реальности скорее, чем в возрождении ретромифов и ретро-анализа старых мифов, что очень соблазнительно и естественно для нас, иногда я и сам к этому прибегаю.

Дмитрий Андреев

На информационном фронте без перемен: невыученные уроки холодной войны

Хочу сразу обговорить три принципиальных момента. Во-первых, меня несколько смущает слово «миф», точнее, даже не столько само слово, сколько противопоставление мифа и реальности, потому что для моего сознания эти вещи представляются взаимно переплетёнными, я не могу одно оторвать от другого, не могу рассматривать их порознь. Во-вторых, я, безусловно, как всякий человек, имею свои симпатии, антипатии, пристрастия. И естественно, применительно к той

проблеме, о которой я буду говорить, они тоже существуют, но я тем не менее постараюсь сейчас предельно дистанцироваться от собственного субъективизма. Я намерен рассматривать проблему с обеих противоположных друг другу позиций, оценивать, что выгодно нам – и что выгодно нашим оппонентам, что делаем мы неправильно – и что делают они неправильно, как следует поступать нам – и как следует поступать им. И наконец, в-третьих. Так как тема вообще бездонная, я систематизировал свои мысли в виде тезисов, чтобы уложиться в регламент. Поэтому если какая-то мысль потребует более подробного истолкования, я готов это сделать уже в режиме ответов на вопросы.

Итак, название моего выступления: «На информационном фронте без перемен: невыученные уроки холодной войны». Начну с того, что взгляну на миф как на оружие информационной войны. Здесь я бы выделил следующие характерные особенности мифа, которые делают его таким оружием.

Во-первых, его наступательно-оборонительную амбивалентность. Миф может обосновывать как экспансионистское истолкование геополитических интересов, идеологию войны за сферы влияния, так и необходимость удержания занимаемых позиций, их защиту от внешних посягательств путём выработки соответствующего контрпропагандистского контента.

Во-вторых, надо особо подчеркнуть такое качество мифа, как возможность его двустороннего – то есть внутривнутриполитического и внешнеполитического – использования при довольно лёгком и доступном режиме настройки баланса. То есть миф можно отрегулировать применительно к адресной аудитории, сделав его в большей степени для внутреннего или, напротив, для внешнего употребления. Если отталкиваться от обсуждаемого сегодня мифа о враждебности Запада, то понятно, как подобная настройка работает. Этот миф рассчитан преимущественно для внутреннего – в смысле внутривнутриполитического – применения, но он может также использоваться и в расчёте на наши лоббистские группы на Западе.

В-третьих, сильной стороной мифа является возможность корректировки его поражающих факторов. Всё зависит от того,

чего мы хотим от мифа: демонизации, псевдодемифологизации – и такое тоже есть, – дискредитации, фокусировки фобий или наоборот каких-то положительных эффектов. И в зависимости от стоящей перед нами задачи мы выбираем одно, другое, третье или какую-ту комбинаторику этих спецмероприятий.

В-четвёртых, миф может применяться адресно. Ну, здесь понятно, что я хочу сказать. Миф всегда нацелен на определённую фокус-группу, которая является объектом нашего воздействия. В результате этого воздействия с такой фокус-группой должны произойти те или иные изменения, соответствующие нашим интересам.

В-пятых, миф способен оказывать как превентивный, так и отложенный эффект. В качестве примера превентивного эффекта можно привести виртуозную мифологизацию Евромайдана с самого его возникновения и до осуществления переворота в Киеве. В результате практически всё наше общество стало резко негативно воспринимать новый украинский режим. И затем этот единодушный негативизм довольно долго легитимировал абсолютно любые действия Кремля на украинском направлении. Для сравнения можно вспомнить ситуацию конца 2004 года, когда наши СМИ и «говорящие головы» вместо того, чтобы формировать требуемый образ Майдана-2004, просто банально мониторили происходившие на Украине события. Понятно, что тогда наша власть и не замахивалась на то, на что решилась этой весной, – поэтому от медийных институций и не требовалось заранее заготовить негативную картинку «оранжевой революции». Но давайте вспомним, к чему тогда привела такая беспечность? К всплеску общественного пессимизма, к ожиданию – если не сказать подготовке – аналогичного сценария и в России. Поэтому значимость мифологической заготовки – выверенной, отлаженной, заранее настроенной на провоцирование того или иного требуемого эффекта – трудно переоценить. А в качестве примера отложенного действия мифа можно привести весь тот комплекс представлений о фашизации нынешней Украины, о том, что, как недавно сказал Путин, ««вакцина» от нацистского вируса, выработанная на Нюрнбергском трибунале, в некоторых госу-

дарствах Европы теряет силу». Убежден, что через какое-то время мы увидим, насколько сильны эти оценочные формулировки, когда у нас попросту не будет получаться переступить через те или иные стереотипы-табу.

Перечислив пять особенностей мифа как оружия, перейду к специфическим проявлениям этих особенностей в ситуации глобализации. Иными словами попробую ответить на вопрос, что нового привнесла наша эпоха в технологии применения мифов в информационных войнах.

Во-первых, мы являемся свидетелями появления такого феномена, как дисперсный театр военных действий – разумеется, применительно именно к информационным войнам, а не к войнам вообще. Мы сейчас имеем дело с целой констелляцией таких ТВД-пространств, которые в каких-то своих точках соприкасаются или даже пересекаются друг с другом и на каждом из которых ведётся своя собственная война – одновременно с войнами на других театрах. Не стану далеко ходить за примером – обратимся всё к той же украинской ситуации. Сразу навскидку можно назвать следующие театры военных действий: русские – точнее, русскоязычные – в России, на Украине и в Новороссии, украинцы в России, на Украине и в Новороссии, интеллектуалы в Киеве и интеллектуалы в Москве, майданное сообщество на Украине и в России. Перечисление возможных ТВД можно продолжить. Но главное – понять взаимное расположение этих ТВД, их соприкосновение друг с другом.

Во-вторых, миф способен действовать как своего рода тектоническое оружие – особенно на стыках идентификационных пространств. Понятно, что я имею в виду. В сейсмически активных зонах, которые как раз обычно и располагаются на стыках тектонических платформ, достаточно порой вызвать незначительные колебания, чтобы, скажем, спровоцировать землетрясение. Для подобного землетрясения «по заказу» и используется сейсмическое оружие. В качестве примера употребления мифа как такого сейсмического – или, точнее, тектонического – оружия можно назвать, например, наши попытки оторвать Европу от США. Буквально с самого начала украин-

ского кризиса мы чётко разделяли западный и восточный берега Атлантики и посылали последнему всевозможные сигналы, чтобы тот для начала хотя бы просто осознал собственную самость и начал действовать, исходя из её понимания. Но нам это не удалось: в санкционной войне Запад выступил как единый и слаженный геополитический субъект. Надо отдать должное Вашингтону, который в критических для себя ситуациях способен мобилизовывать своих союзников, которые в обычное время могут и своевольничать. Другой пример употребления мифа как средства для нагнетания напряжённости в зонах соприкосновения больших идентификационных пространств – это фокусированная обработка Западом российских мусульман, разумеется, не напрямую: в ситуации войны с Исламским государством приходится действовать опосредованно. Ещё один пример из этого же ряда – задействование обеими противоборствующими сторонами крымско-татарского фактора, а вот здесь нам пока удаётся переигрывать Запад.

В-третьих, в эпоху глобализации миф оказывается способным стимулировать тенденции-близнецы, противоположные по внешним формальным параметрам, но идентичные по функциональной предназначенности. Наглядный пример таких «близняшек» – это, скажем, тренды архаизации и мутационной модернизации. Что такое архаизация – понятно, поэтому я не стану говорить о ней подробно. А мутационная модернизация – это та же архаизация, только в модернизационной упаковке, когда архаизационный эффект достигается не за счёт деградации, а через мутации, которым подвергся тот или иной социальный субъект, польстившись на предлагаемые ему сценарии развития, содержащие в себе заведомые дефекты. Вспомним активно пропагандируемую в 90-е годы либералами мысль о том, что «кровенос» ВПК – как, дескать, и в советское время – не даёт развиваться социальной сфере, забирает себе слишком уж много бюджетных средств. Кстати, и сейчас я вдруг с удивлением начал слышать своеобразную «рецепцию» этого мифа, когда в некоторых СМИ заговорили о том, что программа модернизации армии и флота, мол, непосильна для бюджета.

Ну, а теперь, после такого вступления, я хотел бы перейти к инвентаризации мифов, задействованных в текущей информационной войне между Западом и Россией.

Начну с оценки готовности обеих сторон к использованию мифов накануне активной фазы противостояния и с её наступлением. Совершенно очевидно, что мы были подготовлены несопоставимо лучше Запада. У нас имелись сильные «домашние заготовки» в виде «русской весны» и Новороссии. Сказался и фактор отсутствия у нас гражданского общества, благодаря чему удалось в кратчайшие сроки консолидировать СМИ и развернуть национальную мобилизацию. Хотя я не стал бы ставить такую несвойственную нам оперативность исключительно в заслугу режиму. Скорее, власть просто решилась пойти на то, мысль о чём, судя по всему, вынашивала уже давно. Я имею в виду некоторую – управляемую и дозированную – встряску нашей элиты. Запрос на подобную встряску уже давно висел в воздухе. Причём запрос как сверху, от самой власти, так и снизу – от народа. Поэтому в данном случае режим вообще ничем не рисковал: он не столько выстраивал сценарий, сколько просто ослаблял клапаны. Действо практически самоорганизовывалось под надзором Кремля – при полной видимости того, что оно именно оттуда и управляется. «Домашние заготовки», о которых я сказал, действительно были, но они создавались наспех. Энергетики всего этого запала хватило ровно на присоединение Крыма. К концу марта – началу апреля «управляемая самодеятельность» стала естественным образом ослабевать, для её поддержки, а также в целях развития достигнутых успехов от власти требовался уже несравнимо более серьёзный уровень участия в управлении процессом, к чему она либо оказалась неготовой, либо по тем или иным причинам просто решила сбавить обороты.

Если у нас до конца марта – начала апреля всё шло как по маслу, то Запад напротив действовал из рук вон плохо. Мне кажется, что Запад прокололся по очень простой причине: он явно переоценил мотивационный и ценностный космос «среднего европейца» – употреблю это леонтьевское понятие. Как оказалось, Украиной «среднего европейца» не задеть – она

в его представлении, видимо, не ассоциируется с Европой и с тем, что принято называть атлантической солидарностью, подразумевая под этим термином некое единое идентификационное пространство коллективного Запада. Зато «среднего европейца» крайне волнует, что украинский сценарий может повториться в Восточной Европе или в Прибалтике, которая по всем своим внешним параметрам – я имею в виду членство в западных межгосударственных объединениях – уже причастна к атлантической солидарности. То есть западного обывателя беспокоит не то, что Россия вмешивается в дела Украины, а то, что она таким же образом может начать действовать уже в границах того ареала, который этот обыватель считает своим собственным. А это уже явная химера. И как любая химера, подобный миф требует основательной накачки, которую просто невозможно осуществить молниеносно, даже современными медийными средствами. К тому же действия Запада на первых порах были исключительно реактивными, то есть сугубо ответными на неожиданное «пробуждение» России, а потому не основанными на каких-либо эвристических и нетривиальных ходах.

Если сравнивать новизну и конструктивные особенности сегодняшних мифов с мифами эпохи холодной войны до и после 1991 года – а я считаю, что холодная война не завершилась с распадом Советского Союза, – то получается следующая картина. Запад перезапустил старый миф о советской угрозе, заменив разве что слово «советская» на слово «российская». Однако по сравнению с прежними эпохами, когда враг Запада представлялся безликим – эдакой системой, бряцавшей оружием и угрожавшей всему остальному миру, – теперь зло выглядит персонифицированным, представленным Путиным и его командой. Не будет преувеличением сказать, что Запад мобилизовал всю свою пропагандистскую машину для борьбы с одним лишь российским президентом. Открытым текстом говорится, что если избавиться от Путина, Россия моментально станет прежней – предсказуемой и зависимой. И поэтому в своих месседжах нашему обществу – а точнее, его элитам и так называемому среднему классу – Запад прямо намекает, что

готов сохранить для них статус-кво, если они свергнут Путина. Раньше такого не было. Запад боролся именно с нашей системой, а не с её персонификациями, и это было даже где-то по-своему понятно и естественно для нас, советских людей, воспитанных на ленинском неприятии народовольческого террора.

Мы же сейчас, в отличие от Запада, никого ни к чему не подталкиваем, а просто в разных вариантах обыгрываем два новых мифа, изобретённых уже в наше время, незадолго до украинского кризиса. Это миф о фашизации Запада и миф о вырождении Запада. В последнем случае я имею в виду пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений и весь круг связанных с этим проблем. Мы, кстати, в основном и оперируем лишь обоими этими мифами, никуда больше особо и не залезая, поругивая глобализацию по-американски больше для галочки, по инерции.

Получается, что если Запад играет фобиями, насаждает страх перед российской угрозой, то мы в основном орудуем на ценностном поле. Российская пропаганда стремится показать, что наши оппоненты вовсе не страшны своими угрозами, а просто вызывают к себе брезгливое отношение.

Важно понять, почему сегодня не работают старые образцы вооружения информационных войн XX века и почему этого до сих пор не поняли в штабах обеих сторон конфликта.

Начну с рассмотрения того, что происходит в наших штабах. С одной стороны, мы находимся в как бы даже выигрышной ситуации, потому что наш арсенал мифов – совершенно новый, в нём ничего не осталось с прошлой холодной войны. То есть, казалось бы, такое положение уже изначально более адекватно вызовам текущего момента. Но с другой стороны, при более внимательном взгляде на этот новый арсенал видно, что в нём представлены действительно новые образцы вооружений, но эти самые образцы явно рассчитаны на войны прошлого века, когда всё строится вокруг примитивной связки «угроза – нейтрализация угрозы». Наши нововведения, выражающиеся в акцентировании ценностного барьера между Россией и Западом, основаны на этой же самой связке, которая просто оказывается завуалированной, неявной. Причём фо-

бийный каркас нет-нет да и даёт о себе знать. Как я уже сказал, мы неплохо подготовились к украинскому кризису, но вместе с тем поддались искусу паразитировать на заготовках декабря, января, февраля, которые оказались совершенно неактуальными уже с начавшейся в апреле силовой операции киевского режима. В результате мы стали уже неприкрыто действовать в системе координат, задаваемой связкой «угроза – нейтрализация угрозы», и у нашего мифологического оружия пошли осечки.

Не лучшим образом выглядел и Запад, которой просто ориентировался на старые фобийные лекала эпохи холодной войны. При этом им использовались архаичные мифы времён блокового противостояния, главным образом те из них, которые раньше применялись не для внешнего – рассчитанного на СССР и его союзников, – а для внутреннего использования. Поражает, насколько же весь этот вал производимых сегодня на Западе пропагандистских текстов не рассчитан на нашу аудиторию, хотя именно она по логике вещей и должна стать целевой для такой продукции. Но необходимо отметить и безусловно удачные находки Запада, в частности, активно сейчас разрабатываемую мифологию патриотического майдана для России, о чём я еще сегодня буду говорить, и подстраиваемые под нужды этой мифологии новые имиджи Ходорковского и Навального.

Я также объясняю неадекватное обращение обеих сторон с мифами феноменом, как я его называю, «незаметной революции», когда явно технократический перекосяк в способах ведения прежней холодной войны обуславливал недоучёт социокультурных факторов. Как я показал, с тех пор мало что изменилось. Обе стороны по-прежнему воспринимают информационную войну во многом по остаточному принципу, отдавая приоритет захвату или удержанию иных позиций. Между тем ландшафт XXI века заставляет если не рассматривать информационную войну как основной фронт, то уж, во всяком случае, воспринимать её как равноценную по значимости собственно силовому противостоянию.

Следующий большой блок вопросов – кто кого сегодня переигрывает.

Начну с диспозиций и установок сторон на момент начала конфликта. Чтобы оценить «стартовые позиции» обеих сторон, забегу немного вперёд и скажу, что на протяжении вот уже нескольких месяцев – начиная опять-таки с того же апрельского рубежа – мы наблюдаем одну и ту же картинку: Россия – в глухой обороне, а Запад – в непрекращающемся наступлении. Ни та ни другая сторона не ведёт комбинированных действий, предпочитая эту предзаданную одномерность. Подобная ситуация имеет все симптомы дурной бесконечности – подчас возникает впечатление, что названные оборона и наступление обращены не друг против друга, а на некоторые придуманные обеими сторонами фантомы.

Очевидная ошибка Запада заключается в уповании на то, что путинскому режиму придётся воевать на два фронта – против Запада и против собственных элиты и среднего класса, интересы которых оказались задетыми санкциями. Но второго – внутреннего – фронта до сих пор не видно. Выходит, Запад работает на аудиторию, которую он сам себе придумал, во многом отталкиваясь от времени массовых протестов в конце 2011-го – начале 2012-го. Проецировать ту ситуацию на сегодняшний день, считать, что и сегодня улица сможет так же легко «вскипеть», ошибочно. Я уж не говорю о том, что украинский кризис существенно переформатировал нашу оппозицию. Многие из тех, которые тогда выходили на Болотную или на Сахарова и протестовали против возвращения Путина в Кремль, сегодня, после Крыма и войны на востоке Украины, если и не стали стопроцентно лояльными режиму, то, во всяком случае, не пойдут против Путина. По крайней мере, сейчас это так. Тем более недальновидно полагать, что отсутствие хамона и трудности с получением шенгенской визы спровоцируют этих людей на «бархатную революцию». Скорее наоборот – раззадорят, усилят антизападные настроения даже среди тех, которых у нас обычно считают приверженцами Запада. Наивен расчёт наших оппонентов и на то, что в России для кого-то действительно всерьёз значимы те ценности, по-

прание которых вменяется нам в вину. Я имею в виду незыблемость права и неприкосновенность границ. Ни то ни другое ценностью для российского менталитета не является и никогда не являлось. Гневные филиппики Запада лишь сотрясают воздух. Эти ценности совершенно не берут нас за душу. Ну, разве что ценность незыблемости границ – да и то лишь в том случае, когда речь идет о границах наших собственных. Удивительно, что Запад этого до сих пор не понял.

Ещё в феврале, перед Крымом, в обществе ощущалась какая-то усталость от режима Путина, было налицо явное раздражение тем, что власть постановочна, парадна, медийна, коррупционна и, когда речь заходит о национальных интересах, готова сдать всё и вся. Подчёркиваю: подобный пессимизм чувствовался всего лишь несколько месяцев назад. В это вообще трудно поверить сейчас, когда даже «закон Ротенберга» ни у кого не вызывает возмущения и воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Успех пропаганды – фантастический, другое дело, что власть его не развивает, полагаясь на то, что будет и дальше – по инерции – поддерживаться обществом. Но факт остается фактом.

И я вернусь к тому, с чего начал эту мысль. Руководствуясь далёкими от действительности представлениями о запасе прочности путинского режима, Запад без остатка вложил в блицкриг, сразу раскрыв все свои карты. И в этой ситуации он просто не может остановиться, он не в состоянии хотя бы просто притормозить наступление на тех или иных направлениях – я уж не говорю остановиться и перейти к обороне на тех участках фронта, где он наиболее уязвим. Поэтому я и назвал такое наступление непрекращающимся. Мы же, сорвав куш в виде Крыма и зашкаливающего рейтинга президента и понимая, что всё это получилось во многом потому, что просто повезло, что так легли карты истории, осознаём опасность головокращения от успехов и потому боимся высунуться из своей беспробудной обороны.

Теперь я хочу остановиться на том, что называю псевдомифологией псевдовнезапности, и показать, как обе стороны разменяли масштабную сшибку мифоконструкций на пиар

принятия решений за закрытыми дверями, а также продемонстрировать, к чему привело ведение информационной войны по остаточному принципу. С самого начала войны мы и Запад точно бежим друг от друга в разные стороны. Запад причитает, что коварная Россия его обыграла, что натовские аналитики и политические эксперты оказались неготовыми к внезапной аннексии Крыма и активному вовлечению Москвы в гражданскую войну на Украине. Отсюда делается неутешительный вывод, что именно из-за такой тотальной неготовности Запад проигрывал и продолжает проигрывать в этой новой схватке с Россией. Мы же на самом деле наоборот изо всех сил пытаемся сдать Западу наш главный козырь – «русскую весну». И вот на этом я бы хотел остановиться подробнее. В самом начале своего выступления я говорил о национальной мобилизации, которая поначалу вполне вписывалась в планы Кремля. Поэтому Кремль не только ей не препятствовал, но и давал понять, что является её инициатором. Сколько в «русской весне» было политтехнологического, а сколько спонтанного, идущего от действительно народного порыва – отдельная тема, которую уже давно пора обсудить. Но сейчас я о другом. Как только в апреле произошла корректировка нашей украинской политики, власть начала прилагать немалые усилия для того, чтобы заглушить эту национальную мобилизацию. Судя по всему, ей это пока не удалось, хотя энергия этой мобилизации сейчас уже заметно слабее. Зачем власть пошла против своего главного союзника – понятно: чтобы «русская весна» не стала претендовать на свою причастность к той победе, которую власть намеревается приписать только себе. Однако рейтинг власти, остающийся до сих пор небывало высоким, – это тоже результат национальной мобилизации. Поэтому просто так разом «слить» «русскую весну» не просто невозможно, но и чревато возвращением рейтинга к прежним довоенным показателям. Отсюда – нерешительность и непоследовательность Кремля, заметные даже на телеэкране. Отсюда же во многом и тот цугцванг, в котором сейчас мы оказались: назад дороги нет, спекулировать на старом больше не получается, а любой новый шаг делать боязно, так как нет

уверенности, что он не окажется роковым и не повлечёт за собой обвала всей ситуации по принципу домино.

На фоне такого разбегания в разные стороны друг от друга особенно заметна дезориентация каждой из сторон в отношении оппонента. Примеров такой дезориентации масса. Про то, что Запад воспринимает нас исключительно через старые штампы, я уже говорил. Наиболее досадный пример нашей дезориентации относительно возможностей противника – это, конечно, недооценка органического единства Запада по обе стороны Атлантики.

Дальше для меня совершенно очевидно, что в диалоге санкций и контрсанкций на фоне «монетизации» информационной войны обнаружился явный дефицит мифов. У Запада упорно не получается найти приманку для тех, которые потенциально способны открыть в России второй – внутренний – фронт борьбы с Путиным. Я уже об этом говорил, сейчас остановлюсь лишь на том, что Запад спотыкается здесь уже не в первый раз. Во время протестной кампании 2011-го – начала 2012-го он сделал ошибочную ставку на «креативный класс», посчитав, что названное сообщество действительно способно стать главной движущей силой «бархатной революции» в России. Ещё более вопиющую ошибку наши оппоненты допустили в этом году, сделав теперь ставку на средний класс как на массовое и представительное сообщество, интересы которого пострадают из-за санкций, что вынудит его занять жесткую позицию в отношении власти. Вся пропагандистская риторика Запада, ориентированная на внутрirosсийского потребителя, настроена на «частоты» именно нынешнего среднего класса – на его ценности, жизненные приоритеты и представления об успехе, а также на социальные и даже в какой-то мере политические амбиции – если, конечно, о наличии последних вообще корректно говорить. Между тем «креативный класс» демонстративно игнорируется или, во всяком случае, воспринимается как лишь составная часть – причём отнюдь не системообразующая – среднего класса. Запад упрямо не хочет видеть, что расчёт на средний класс как на «гегемона» «бархатной революции» ещё более несостоятелен, чем упование на мобили-

зационные протестные возможности «креативного класса». В обозримую перспективу средний класс у нас просто даже не осознает себя в качестве класса, то есть силы, обладающей какими-то консенсусными интересами. Ну и упование на переворот, который могла бы устроить элита или часть команды Путина, задетая санкциями, тоже на сегодняшний день неактуально. Безусловно, трудно предвидеть, какие настроения станут преобладать в элите через несколько месяцев, но в настоящий момент ни о какой латентной революционности, которую изо всех сил пытаются разглядеть наши оппоненты, говорить не приходится.

Что же касается российского мифотворчества, то здесь мы опять-таки бодро начали, когда война санкций и контрсанкций только разворачивалась, шутя и иронизируя по поводу хамона и всего прочего, но потом «сдулись», задора и след простыл. Сейчас недостаток мифологического обеспечения контрпропаганды – о пропаганде я уже даже и не говорю – просто вопиюще ощутим. Флешмобная стилистика, которая была нащупана, когда стало понятно, что за Крым всё-таки придётся заплатить – и немало, и которая подобно «глушилке» западных «голосов» должна была создавать вокруг санкций требуемый информационный шум высокого уровня, а заодно и формировать новые вкусовые стереотипы, куда-то в одночасье исчезла и больше не заявляла о себе.

Теперь перейду к разбору наиболее характерных примеров использования мифов в текущей информационной войне. Западу удалось взять реванш за провалы первых месяцев и придумать эффективно программирующую мозги в нужном направлении «обамовскую триаду» основных угроз – вирус Эбола, Исламское государство и... Россия. Мы же всё пытаемся обойтись старым багажом, тем, что придумали ранней весной, в пору присоединения Крыма. И в который уже раз за время этой кампании пробуем удовлетворяться обнаружением у наших оппонентов приверженности к фашизму. Да, такой ход убивает наповал, но только одним им больше нельзя ограничиваться, в противном случае мы безвозвратно утратим ту стратегическую инициативу, на волне которой добились всех

своих побед в этой войне. Понятно, что неправильное истолкование того, как складываются дела у наших врагов, – это не следствие некомпетентности, но важный элемент мифотворчества. Но только сдаётся мне, что в последнее время ответственные за наше военное мифотворчество не очень-то утруждают себя. Такое впечатление, что они одни и те же картинки и транслируют через СМИ для создания нужного представления о том, как живётся нашим противникам, и подают их наверх в качестве аналитических записок о реальном положении дел на фронтах.

Просчёты допускаем и мы, и наши оппоненты, никуда от них не деться. Но при этом ни одной, ни другой стороне не свойственно оперативно исправляться, работать уже даже не на упреждение, а хотя бы просто на потребности переживаемой конъюнктуры, а не каких-то оставшихся в прошлом раскладов. Запад, видимо, из соображений экономии всё пробует выехать на старых запасах эпохи холодной войны, а его новые находки – я не имею в виду «обамовскую триаду», она-то попала в «десятку» – выглядят какими-то уж слишком топорными. Например, миф о цивилизационной ущербности народа, среди которого настолько популярен такой лидер, как Путин. Про наши издержки я много чего сказал, поэтому хочу сейчас лишь ещё раз подчеркнуть главное: власть утратила инициативу и при этом предпочитает принимать решения, ни с кем их не обсуждая, за закрытыми дверями, усматривая в обществе конкурента и преднамеренно гася национальную мобилизацию. Результатами такой политики оказываются катастрофические провалы на информационном фронте, которые сводят на нет предыдущие имиджевые приобретения режима. В качестве примера такого провала могу привести летний конфликт Кургиняна со Стрелковым.

Закончить я хочу ответом на вопрос: как воевать лучше, каковы возможные направления оптимизации использования мифов в продолжающейся информационной войне?

Во-первых, необходима прагматизация целей и задач соотносительно с реальными возможностями и актуальной повесткой для обеих сторон конфликта. Западу следует сосредоточиться

на приоритетной обработке адресных групп, среди которых «шестая колонна», патриотический майдан, левые и уменьшительные националисты. Ему надо забыть о среднем классе и тем более о либеральной интеллигенции и «креативном классе», которые составляли ядро протестного движения в конце 2011-го – начале 2012-го. Это уже отыгранные социальные силы, у которых нет политического будущего, во всяком случае, в какой-то более или менее просчитываемой перспективе. И главное – не сворачивать наступления, потому что обратной дороги у Запада нет, а любые запинки окажутся лишь на руку его оппонентам. Нам же необходимо сконцентрироваться на извлечении всей выгоды из своей оборонительной позиции, так как наступать некуда, мечтать о каких-то прорывах бессмысленно. В этой ситуации остаётся отслеживать те направления, на которых будет сосредотачиваться Запад как на приоритетных для себя. Надо будет оперативно реагировать на все его шаги, пытаясь просчитывать на несколько ходов вперед.

Во-вторых, обеим сторонам требуется апгрейд вооружений. И здесь главное – работа с дискурсами. Западу надлежит освоить и использовать риторику названных мной новых адресных групп. Очень интересные симптомы – недавние заявления Ходорковского и Навального, о чём я сегодня говорил, которые пытаются перехватывать патриотическую риторику. Поэтому ещё раз: единственный майдан, который может скочырнуть режим, это только патриотический майдан, и лишь на него сейчас Западу имеет смысл делать ставку. Нам же необходимо социализировать войну, сделать её делом всего общества – ну, или его наиболее активных групп. Да, грань здесь чрезвычайно тонкая: продолжать твердить о «братском украинском народе», но при этом перенимать практики преломления официальной русофобии киевского режима в различные низовые инициативы украинского общества. К сожалению, подобный опыт у нас отсутствует, придётся учиться с нуля.

В-третьих, чрезвычайно важен динамичный таргетинг адресных групп воздействия с последующим выстраиванием цепочек синергетических эффектов. Что делать Западу и кого ему обрабатывать – понятно, не стану повторяться. Нам же

важно всячески охаживать своих симпатизантов в Европе – ультралевых, ультраправых, часть представителей бизнеса и экспертного сообщества, отдельных лидеров общественного мнения. Их надо не просто покупать, что у нас получается отменно, здесь большого ума не требуется. Таких симпатизантов следует встраивать в наши сложные и многоходовые игры. Это будет работать на повышение их субъектности, а значит, привязывать к нашим интересам ещё сильнее, чем даже щедрые гонорары за услуги.

В-четвертых, необходимо своевременно внедрять смысловые «фильтры» и «заглушки» в самоорганизующиеся системы. Здесь я имею в виду работу с майданом по его соответствующей «тонкой настройке». Западу, как я уже говорил, надо перехватывать патриотическую волну и делать её оппозиционной режиму, а нам важно овладевать технологиями дискредитации в принципе любых майданных сообществ, чтобы потом использовать подобные наработки как за границей, так и у себя дома.

В-пятых, чрезвычайно перспективно своего рода фрактальное дробление мегасоциальных идентичностей. В интересах Запада эффектно сработает пропаганда регионализации России и насаждение мифологии оппозиционных Москве «народных республик» наподобие ДНР и ЛНР. Нам же на руку обыгрывание неправомерности проведения тех или иных границ и провоцирование референдумов о самоопределении и суверенитете.

В-шестых, нельзя недооценивать имитационные аттракторы как пусковые механизмы идентификационных перекодировок. Для Запада эта рекомендация подразумевает серьёзную работу с «шестой колонной», а для нас – нагнетание в общественном мнении элитофобийных настроений.

В-седьмых, пора подумать и о запуске автокаталитических мифов-трансформеров. Применительно к Западу этот пункт снова подразумевает освоение патриотического дискурса. Для нас же я бы оставил эту опцию незаполненной, так как пока мы пребываем в режиме обороны, нам вряд ли потребуется это сугубо наступательное оружие, а ресурсов, сил и времени оно отнимет изрядно.

И наконец, в-восьмых, крайне важно видеть и уже сегодня учитывать возможные перспективные направления конструирования мифов для информационных, смысловых и концентрированных войн XXI века. Для Запада это однозначно разработка идеи о множественности России, о том, что Кремль вовсе не монополющий собственник пространства, которое может называться Россией. Ну и – со всеми вытекающими отсюда последствиями. Применительно к нам подобные перспективные направления – это всё что касается экспансии России в ближнее зарубежье и Русский мир, выстраивания контура симпатизантов в Восточной и Западной Европе и, конечно, ротации элиты.

Завершить своё выступление мне хочется словами о том, что до тех пор пока мы – я имею в виду и Запад, и Россию – не извлечём уроков из холодной войны, которую вели друг с другом на протяжении десятилетий, мы будем обречены повторять её ошибки, вместо того чтобы овладевать новыми практиками глобального противостояния – практиками, соответствующими уровню и вызовам XXI века.

Ведущий
Итак, переходим к обмену вопросами.

Дмитрий Андреев
У меня к Глебу Олеговичу только один короткий вопрос: это только в России медиа стали чем-то большим, чем медиа, или нет?

Глеб Павловский
Я не могу это утверждать.

Дмитрий Андреев
Ну, по ощущениям.

Глеб Павловский
Более того, я думаю, что мы находимся в каком-то, так сказать, сложном просто ранее недостаточно опознанном трен-

де. Вообще на эту тему написана уже целая библиотека, со времён как минимум если даже не вспоминать Маклюена, то со времён войны в заливе о новой роли медиа, написаны десятки книг. И в них есть очень интересные моменты, но с другой стороны в России всё это не осваивалось, с другой стороны здесь очень рано, если иметь в виду срок существования РФ началась попытка замещения институтов и политических инструментов, медийными инструментами, и у этого была почти социальная основа, потому что в силу такой довольно случайной вещи как роль, которую сыграл избранный Путиным, ой, это с-хамо по себе мифологическая оговорка, избранный Горбачевым старт для его политики в середине 80-х, его ставка на медиализированную часть номенклатуры и первая приватизация, незамеченная никем, это была приватизация центральных медиа, под которые потом перешла в тождество, можно сказать, правящей элиты на какое-то время и центральной медиа элиты. Таким образом, уже с середины 90-ых, я бы даже сказал, с первой половины 90-х, уже начинается попытка проведения, решения большинства политических проблем медийными средствами, импровизационно, конечно, как всё на самом деле происходит, но к концу 90-ых годов это срастается уже в систему, и в нулевые возникает комплекс, в значительной степени тождество администрации президента как программирующего блока медиа, и ситуация, как часто бывает в политике, переворачивается, кто кого программирует трудно сказать.

Сегодня в силу ряда политических ошибок возникла проблема, о которой Вы говорили, то есть возникла не решаемая иными средствами проблема мобилизации и иммобилизации массовой опоры, она была замещена, таким оригинальным, я бы сказал, способом, это инновационный способ, несомненно. То есть создание ситуативных большинств, которые возникают, они исчезают, а потом снова возникают, а дальше уже внутри этой найденной тактики, это 2012, 2013 год, возникает идея превратить это, идея или импровизация, потому что многое из того что было названо Вами является импровизацией, возникает проект, и он сегодня реализован, в создании такой

постоянной виртуальной опоры, для которой политические и экономические средства являются уже вспомогательными. Это утопия, но она работает, как часто бывает с утопиями. Но какое время она будет работать это неизвестно.

А к Дмитрию у меня, собственно, два вопроса, я их некоторым образом связываю. Это вопрос, касающийся образа упорного «наши оппоненты», т. е. понимаемого без критики, и тогда у меня возникает вопрос, где референт этого понимания, он находится внутри в России или за её пределами. Кто конструирует наших оппонентов и связанная с этим тема, потому что в целом очень интересный доклад, он был построен, может быть, намеренно технологически, построен был как такая развернутая рекомендация по наращиванию взаимной массивированной пропаганды и контрпропаганды, что мне кажется, является просто проекцией статус-кво, здесь мне не очень понятно, мы анализируем или мы ищем клиентов, как я бы сказал в прежней своей жизни, потому что в каком-то смысле, мне кажется, построено сообщение исходя из идеи, что уже есть некие два центра где-то, они со своими стратегиями ведущие войну, мы обсуждаем, как нам оптимизировать, наоборот как нам развернуть эту войну, превратить её из обычной, архаической в термоядерную, хорошую такую, основательную, это тоже интересная тема, я уже готов даже в качестве интеллектуального эксперимента поучаствовать, но мне кажется это уже какая-то другая задача.

Дмитрий Андреев

Всё что Вы назвали в той или иной мере присутствует. Главное, что факт войны налицо, отрицать его нельзя. А дальше уже можно обсуждать, сколько центров, кто оппонент, кто референт. В докладе я, разумеется, примитивизирую реальную ситуацию, сводя противостояние к двум сторонам. Но я преднамеренно не хочу сейчас рассматривать какие-то более сложные конфигурации, потому что это потребует дальнейшего погружения в проблему – а это уже совсем не уровень доклада. Скажу лишь, что две стороны, о которых я всё время веду

речь, – это совсем не одно и то же, что два центра принятия решений. Потому что если у наших оппонентов и есть такой центр – точнее, целая система центров, то у нас центра как такового, центра в привычном управленческом понимании этого слова нет. Вместо него – пустота, вакуум. Но ведь хорошо известно, что вакуум тоже может производить энергию, причём очень мощную. Приведенная аналогия, я надеюсь, приблизит нас к пониманию того, как функционирует наш властный центр и как он принимает решения. Речь идёт именно о ситуационной комбинаторике, конвейере, на котором собираются *ad hoc* конструкции, которые либо работают, либо не работают. Если они работают, то их пытаются использовать и в каких-то других ситуациях. То есть это управление в поисковом режиме. Вот такой специфический центр с нашей стороны имеется, однако мне трудно судить, насколько он является и центром принятия решений по поводу этой войны. Теперь о моём восприятии информационной войны. Я не пацифист и никогда им не был. И когда я вижу любую войну, у меня возникает желание не остановить её, а поиграть в неё, сделать так, чтобы эта самая война велась обеими сторонами на качественно более высоком уровне. И я попеременно встаю на позиции то одной, то другой стороны. Это живой и интересный процесс. Война – это способ существования человеческой цивилизации, и мы никуда от этого не денемся. Хотя, конечно, ещё раз повторю: моя собственная позиция очевидна – я «за наших». И продолжающаяся война на Украине – это пролог, начало Третьей мировой войны. На сегодняшний день у нас мало шансов выйти из этой войны победителями. Но ещё меньше шансов сохраниться без какой-то экстремальной встряски. Войны всегда спасали Россию от исчезновения. Ну, что поделать – такая уж у нас история, что мы просто не можем существовать в обычных условиях, сразу же начинаем разлагаться.

Ведущий

Давайте теперь подключим к обсуждению участников Семинара.

Ирина Варская-Чечель

Первый вопрос, если позволите, Глебу Олеговичу. Если действительно российские СМИ, как мне показалось по сообщению, приобретают глобальный статус и срастание власти и СМИ придают последним характер силы, перехватывающей идеологическую инициативу и власть, то есть так или иначе превращают СМИ во власть, то означает ли, что Кремль, зависит от активности СМИ не только во внутреннем контексте, но и на международной арене, он энергетически подпитывается активностью российских СМИ? Это вопрос к Глебу Олеговичу. А у Дмитрия я хотела бы уточнить, если позволите, Дмитрий, проводите ли Вы различия между информационной войной и войной идеологической, потому что информационная война рассчитана всё-таки на специфику аудиторий, а идеологическая война чаще всего ставит себе несколько иную задачу: ту или иную комплексную презентацию политических систем. С другой стороны, если мы действительно говорим о возможности продуктивного использования того или другого «классового сознания» (цитирую Вас), как вы трактуете «классовое сознание», скажем, «среднего класса» или того же «креативного класса», если говорить в сурковских политических терминах? Мне кажется, что мы обозначаем в России в виде классового сознания и «креативного класса», и «среднего класса», — некий фантом, фикция, создаваемая исключительно вокруг Кремля либо в Кремле. Считаете ли Вы, что возможно говорить о состоявшемся «классовом сознании» собственно этих классов, принадлежащем собственно им? Порожденном ими самостоятельно?

Владимир Симиндей

У меня к Вам, Глеб Олегович, один вопрос и один комментарий, а также вопрос к Дмитрию. Глеб Олегович, вот Вы недавно «прокомментировали» произведение господина Макиавелли и выдвинули тезис о «верткости» системы. В какой степени система все-таки действительно научилась, оказалась способна уворачиваться от лопастей ветряных мельниц антироссийских мифов, которые сейчас задействованы, то ли в

идеологической, то ли в информационной войне. И комментарий: Вы говорили о принципиальном различии между так называемой западной системой, сложившейся после 1991–92 годов, и «системой РФ» относительно историзации политики. Но мой опыт показывает, что во всем нашем западном приграничье – от Финляндии до Румынии – историзация политики все эти годы как раз нарастала, и культ музеев «советской оккупации», свежие казусы, когда в зале Академии наук Латвии идет мюзикл, посвященный эстетизации и героизации соучастника Холокоста Герберта Цукурса (и это является одним из ярких политико-идеологических событий в латвийской политике). В какой мере ваш тезис о вымывании истории из актуальной политики может быть применим к регионам Центрально-Восточной Европы? И к Дмитрию такой вопрос с комментарием. Мой опыт анализа принимаемых решений говорит о том, что решение «ad hoc» – это традиционный метод управления, и если проанализировать те же решения Политбюро в отношении внешнеполитических задач, то мы увидим как раз решение конкретных, «маленьких» вопросов, которые занимали умы членов Политбюро, и это всё прослеживается в документах, то есть системная политика, в какой-то мере, является... мифом?

Александр Люсый:

У меня вопрос к Глебу Олеговичу: можно ли назвать эту реальность, которую Вы открываете, медиа-большевизмом? Т. е. состоялось ли опознание некоего большевизма, насколько этот большевизм дееспособен, и какую роль он может сыграть в обратном превращении гражданской войны в империалистическую?

Владимир Карпец

У меня скорее некое дополнение, к выступлению Дмитрия Александровича, может быть поправки некоторые, скорее касающиеся ни столько информационной войны, сколько действительно идеологической. Вот это появление, с одной стороны ожидаемое, а с другой стороны неожиданное, темы

фашизма и соответственно антифашизма. Складывается ощущение, что все использование этой темы фашизма, является апелляцией к некоей третьей силе, очень влиятельной, но тем не менее для которой фашизм является дистанциальным страхом, я бы так сказал, что касается крайне влиятельной и крайне испуганной темы фашизма. При этом само по себе использование темы фашизма в идеологической борьбе, абсолютно неадекватно, потому что о чем мы тогда говорим, говорим ли мы о фашизме, говорим ли мы о национал-социализме, или мы вообще тогда говорим непонятно о чем, просто что является синонимом всего плохого, причем опять-таки в глазах некой третьей силы. Собственно говоря, что такое фашизм, если говорить в классическом смысле слова, это корпоративный союз предпринимателей и рабочих плюс диктатура правящей партии, собственно говоря, формула фашизма, какое, извините, отношение все это имеет к событиям на Украине? Извините, но это просто неадекватно, это абсолютно неадекватно. Далее, все это некоторые апелляции к некоторым смыслам, также не имеют никакого отношения, получается, что идёт откровенное проецирование современных событий, событий эпохи постмодерна на эпоху Второй мировой войны, так или иначе, это опять-таки одно с другим может быть связано лишь отчасти, но это совершенно разные вещи. Отсюда дальнейшая идеологическая несуразица, которая особенно ясно проявляется действительно у Кургиняна, когда дальше идет отождествление, например, власовцев и белых, при всём при том, как бы не относиться к белым, как бы не относиться к власовцам, это были совершенно разные силы, которые никакого отношения друг к другу не имели, тем более, что между прочим подавляющее большинство власовцев это бывшие коммунисты, которые на самом деле воевали и не за царя и даже не за февраль, а они воевали за правильную революцию, как говорил кстати и сам генерал Власов. Поэтому власовцы и коммунисты это собственно говоря одно и то же, это разные оттенки одного и того же. Опять-таки, здесь несуразица, и всё это производит впечатление нагромождения абсолютно бессмысленных конструкций, которые в конечном счете оказываются

абсолютно провальными, я уже не говорю, о том, что отождествлять защиту исторической России с защитой памятников Ленина, это просто нонсенс, причем именно конкретно против украинской самостийности, потому что, собственно говоря, кто как не Ленин вместе с Грушевским на пару являлись фактически создателями самостийной Украины как государства, как бы к ним не относиться не Старопадский, не Петлюра даже, а именно Ленин с Грушевским. Каким образом мы защищаем Россию вместе с защитой памятников Ленина до сих пор, это производит впечатление, простите, Хармса.

Борис Соколов

Мне кажется, что оба докладчика немного лукавят, когда сравнивают информационную войну Запада и России. Всё-таки стороны были в неравных условиях. Не будем забывать, что у нас сейчас в России пропаганда практически тоталитарна, воздействие западной какой-то пропаганды на российскую аудиторию минимально. На этом поле никакого соревнования ясное дело идти не может. Если речь идет о соревновании собственно за западную аудиторию, здесь российская пропаганда ее скорее проиграла, чем выиграла. То же самое и на украинской территории, но там различаются те территории, которые зависят от российских войск, и те, которые под контролем Украины, там ситуации разные. Мне кажется, что пропаганда на уровне этих мифов уже с обеих сторон исчерпала себя. То есть мне не кажется, что могут создаваться новые мифы. Вот есть миф, условно говоря, о Новороссии, есть миф о бендеровцах, с другой стороны, миф об арабах-террористах, миф о российских агрессорах, но какая-то эволюция вряд ли будет происходить. И пропаганда для Запада не играет большой роли, потому что конфликт будет решать не пропаганда, а правительства соответствующих стран, на которых пропаганда всё-таки не действует, прямо скажем.

Фальк Бомсдорф

Хочу прокомментировать выступление господина Андреева. Сперва, надо отдать ему должное, хочу сделать ему

комплимент: Его речь была так структурирована, что даже я все понял. Во-вторых, его выступление было для меня открытием и одновременно сильно пугала. То, что было описано – действительно была блестящая операция. Но всё то, что я услышал, если я правильно понял, подтверждает то, что многие у нас, на так называемом Западе, думали и думают: Россия, Кремль используют все средства пропаганды, дезинформации, манипуляции, изобретение мифов, чтобы дискредитировать нас как «врага». Значит, действительно Россия вела информационную войну, но это была очень странная война, это была односторонняя война, потому что Запад на самом деле не принял участия в этой войне. Вы постоянно говорите: Запад работал, Запад видел, Запад неправильно реагировал, Запад сделал не ту ставку и т. д. Однако нет такого Запада как участника этой войны. У нас, как вы все знаете, 28 стран в ЕС, есть Брюссель, нет власти, которая дает приказы.

Мне не нравятся слова «победа» и «поражение». Но раз постоянно об этом идет речь, я вас уверяю, вы проиграете, если не сегодня и не завтра, и даже не послезавтра, то непременно потом. Вы чувствуете мое волнение, но когда я, повторяю, слушал выступление Андреева, я чувствовал себя очень неловко – сидит политтехнолог, который дает советы Кремлю и он так поступает. Циники, в конце концов, всегда проигрывают, потому что ложь, вранье, манипуляции, пропаганда, все, о чем мы только что говорили, не работает вечно.

Кремль, на мой взгляд, по моему ощущению, пока выиграл, потому что дал населению России крепкую дозу наркотика, и эта доза сработала, подействовала. Но как мы все знаем, медленно действие всякого наркотика ослабевает со временем, и, значит, нужна будет новая доза наркотика. Вы, если я правильно Вас понял, господин Андреев, показали, где можно ожидать такую новую дозу наркотика, – ближнее Зарубежье, Прибалтика. Но это, уверяю Вас, путь к войне. Может быть, мы сейчас выглядим слабыми. Но мы не так слабы, как Вы думаете. Нас в Европе почти 500 млн. человек, у нас есть ресурсы. Человеческий потенциал гораздо больше, чем у вас.

Значит, и это я говорю в первый раз, используя такое слово как «мощь», мы, в конечном итоге, сильнее. Уверяю вас!

Геннадий Бордюгов

Мне показалось, что сочетание двух докладов было очень удачным, потому что Глеб Олегович нам раскрыл философию проблемы, а Дмитрий Александрович показал один из вариантов прикладного значения, которое может сработать, хотя он несколько утрировал некоторые позиции. К Глебу Олеговичу у меня такой вопрос. Человечество научилось после горячих войн, первой и второй мировых, взять в юридический обруч недопустимое, преступления против человечности. Возможно ли, видя эти ненависть, страхи, обман, манипуляции, эпидемию слухов и пр., взять под контроль, повязать определенными правилами информационные войны или пропагандистские столкновения? А к Дмитрию такой вопрос, я бы сказал, детский... Да, мы видим, как продумываются технологии пропагандистских кибер-атак или контратак, но давайте представим, что всё отключилось – ТВ, сети (а сети, я согласен с Глебом Олеговичем, вторичны, поскольку те же перепосты бесплатно транслируют массу новой информации, нужной и ненужной), как тогда воздействовать на своих и чужих?

Ведущий

Итак, докладчикам слово.

Дмитрий Андреев

Хорошо, начну с вопроса Ирины. Этот вопрос – о различении информационной войны и идеологической войны – в том или ином виде повторялся многими. Чтобы ответить на него, я снова вернусь к тому, с чего начал своё выступление. А именно – к восприятию мифа как чего-то чрезвычайно насыщенного в информационном, идеологическом, смысловом и даже экзистенциальном смыслах. Можно, конечно, долго и скучно объяснять различия между информационной и идеологической войной. Но в чистом виде ни одной, ни другой войны просто не существует. И мне представляется очень удачным решение задействовать для интерпретации текущей

информационной – или идеологической, как хотите, – войны феномена мифа, который всё сразу расставляет на свои места и снимает лишние вопросы. Миф – это оператор, который мы используем в разных видах в зависимости от конкретной ситуации. Очень интересным мне показался другой вопрос Ирины, я даже опешил от неожиданности, когда понял, насколько же он интригующий, – я имею в виду вопрос о классовом сознании среднего класса и «креативного класса». Я призадумался, а потом понял, что всё очень просто. Средний класс всегда недоволен своим положением, но он никогда не станет рисковать, чтобы его улучшить. «Креативный класс» практически всегда доволен своим положением и тем не менее всегда с готовностью пойдет на любую авантюру, чтобы его улучшить. Оба определения я дал крупными мазками, но они, как мне представляется, передают самую суть обоих классов и их классового сознания.

Сергей Сергеев

С Стоит это понимать так, что «креативный класс» более политизирован, нацелен на захват власти?

Дмитрий Андреев

Д Я понял вопрос. Я бы не сказал, что он нацелен на захват власти, но поиграть в захват власти – как, впрочем, и с самой властью – он готов. А средний класс – не готов.

Сергей Сергеев

С Можно еще маленький вопрос? А правда ли публичный интеллигентуал является принадлежащим к пресловутому «креативному классу»?

Дмитрий Андреев

Д Дело в том, что в России слова – это больше, чем просто слова, поэтому у нас не всякий интеллигентуал сейчас захочет или отважится причислить себя к «креативному классу». Поэтому я не знаю, как ответить на этот вопрос сегодня. До конца 2011 года я, может быть, ответил бы более определенно. Теперь яотреагирую на замечания, что и в Политбюро реше-

ния принимались *ad hoc*, а системная политика мало было распространена. Вы знаете, я вспоминаю сталинскую эпоху, вспоминаю свой любимый роман Александра Бека «Новое назначение». То, что описано в этой книге, – это, как я понимаю, вершина нашего стратегического планирования, ничего подобного не было ни до, ни после. Но это же не режим *ad hoc*. Да, там описаны ситуации принятия решений *ad hoc*, например, возьмём этот яркий эпизод, когда Онисимов стоит рядом со Сталиным у карты, обсуждается вопрос о размещении производства. Но это – нормальный момент манёвра в пространстве стратегического предопределения. Это что касается внутренней политики. Теперь о внешней политике. Скажу об этом, несколько забегая вперёд, так как собирался затронуть эту тему, отвечая на вопрос господина Бомсдорфа. Я считаю, что был период – примерно с конца 60-х и до начала 80-х, – когда холодная война велась в наиболее допустимых и приемлемых рамках. Велась, я бы даже сказал, изящно. Нижняя граница – это переговоры в Глазборо Косыгина с Джонсоном или же ввод советских войск в Чехословакию. А верхняя граница – это, конечно, катастрофа южнокорейского «Боинга» 1 сентября 1983 года. То есть всего 15 лет. Это было время, когда все проблемы виртуозно и системно разруливались и нами, и американцами. Своего рода «золотой век» двухполярного мира... Дальше – об украинском интеллектуале. Конечно, украинские интеллектуалы есть. Причём интеллектуалы и русскоязычные, и украиноязычные. Я-то как технолог как раз считаю, что украинцы плохо обыгрывают тот капитал, который у них имеется, им на самом деле есть что предложить. Дальше, как обыгрывались факты в информационной войне? Как интерпретации фактов приводили к возникновению мифов? Мы сегодня много говорили о фашизме. Давайте вспомним, как легитимировались рунические символы во время Евромайдана. Да, такая символика имеет определённую традицию. Какими-то своими протуберанцами эта традиция соприкасается и с нацистской символикой, и с символикой коллаборационистских режимов и вооруженных формирований во время Второй мировой войны. И теперь эти образы всегда очень чётко и однозначно ас-

социруются с фашизмом. Это происходит само собой, автоматически, хотим мы того – или не хотим. Но самое важное заключается в том, что те, которые сегодня возрождают эти символы в качестве именно политических символов, прекрасно осведомлены о подобной ассоциативной цепочке и, кажется, нарочито стремятся к тому, чтобы их и воспринимали именно определённым образом – так сказать, в тени образов прошлого.

Владимир Карпец

Простите, пожалуйста, если серьёзно то, какое отношение имеют рунические знаки к корпоративному государству?

Дмитрий Андреев

Я как раз подошёл к ответу на Ваш вопрос, Владимир Игоревич. Я полностью согласен со всем тем, что Вы сказали о корпоративной государственности, о том, что власовцы – это не белые, о том, что Ленина недопустимо воспринимать как держателя и выразителя каких-то русских смыслов. Я полностью согласен с каждым сказанным Вами словом, но мне не понятен Ваш пафос. Мы же говорим об информационной войне. И если нечто работает – то оно должно работать. А «замазывание» фашизмом работает – да ещё как работает! И вся эта ситуация с Кургиняном и Стрелковым – ситуация, прочитанная как изобличение власовщины, тоже сработала. И, к величайшему сожалению, оказала своё деструктивное воздействие на ход борьбы с киевским режимом. Следующий вопрос: почему ставка на средний класс, а не на «креативный класс»? Ну, естественно, что санкции в первую очередь ударят по среднему классу и, как мне представляется, Запад рассчитывал на массовое недовольство именно в среднем классе, который будет вынужден отказаться от привычных потребительских стандартов. Это недовольство, бесспорно, будет, оно уже есть, но ни к каким политическим последствиям – по крайней мере, в ближайшем будущем – это не приведёт. Между тем «креативный класс» можно было бы гораздо быстрее спровоцировать на какие-то социальные акции. А вот средний класс – ни-

как не вытащишь на улицу побузить. Теперь я хочу сказать несколько слов Вам, господин Бомсдорф. Я Вам чрезвычайно признателен за те комплименты – а я воспринимаю всё произнесенное Вами именно и только как комплименты, – которые Вы высказали в мой адрес. Я предполагал подобную реакцию с Вашей стороны. Но то, что услышал, превзошло даже самые смелые мои ожидания. Но ведь, во-первых, мы с Вами говорим о разных вещах и на разных этажах. Потому что Вы руководствуетесь морально-этическими соображениями, а я подхожу с сугубо технологической стороны. А во-вторых, если же говорить о моей собственной мировоззренческой позиции, то Вы её очень верно идентифицировали. И наш с Вами сегодняшний спор – это та самая информационная война в миниатюре, которая сейчас ведётся между нашими странами.

Глеб Павловский

Зависит ли сам Кремль от российских СМИ? Естественно, здесь не бывает односторонних зависимостей, это дилетантское представление, которое можно найти в медиа, о том, что в Кремле кто-то сидит и говорит СМИ: ты скажи то-то, а ты скажи это. Поверьте, это делается не так. Поскольку я прошел значительную часть этого пути, к счастью, не весь, просто процесс планирования сам по себе затягивает в себя и планирующего, и планируемого, и исполнителя. И в какой-то момент всегда возможно переворачивание, и, по-моему, этот момент наступил. Проблема в том, что сегодня, и я видел это много раз в течение этого года, реально потерял политический суверенитет того, кто принимает решения, потому что он уже не принимает решения, а он реагирует, он движется в узком коридоре, где очень быстро меняется ситуация и где он уже не понимает происходящего. Я сейчас говорю не о каком-то человеке, а говорю просто о команде. В каком-то смысле, с моей точки зрения, где-то в районе 2013 года кремлевская команда утратила политический суверенитет, и сегодня можно описывать политическую ситуацию, рассматривая её просто как один из факторов. Её бессмысленно рассматривать как субъекта, увы, для меня это горько. Второе. Пример Кургиняна сам

по себе показатель, смотрите, вроде достигнут максимум мобилизации, сдвинуты, во всяком случае головой, люди по всей стране, и где эти мощные идейные силы, которые все это окормляют? Пять калек на всю страну, это же смешно, и опять-таки для меня это горько, потому что для меня это провал государственности и крах проекта, на который я лично работал 15 лет. В отношении морали и политики я отвечаю, потому что с моей точки зрения проблема ведь в том, что есть хирургические операции, а есть садизм, и хирургические операции нельзя доверять садистам, даже если они из медиков. Это разные жанры. Государство может поставить вопрос об изъятии территории – это очень плохо, разумеется, это противоречит международному праву, но это политика, можно поставить такую задачу, – но превращать эту задачу в коллективное общенациональное помешательство нельзя, потому что из этого трудно потом выйти. Я уже не говорю о том, что не было такой задачи: проблема, ужас в том, что это всё импровизация, *ad hoc*, как здесь было правильно сказано. Верткость, – о которой я говорил в своей книжечке, которую я сдал в типографию еще до того, как Янукович выпрыгнул в окошко и убежал, «Система Российской Федерации в войне 2014 года», – продемонстрирована в ужасающей форме. Но здесь потеряны лимиты, здесь система, к сожалению, сошла с собственных рельсов, она использовала, сожгла собственные ресурсы, которые теперь в скором времени понадобятся. Это опять-таки очень печально для меня.

Когда я говорил о вымывании истории из политики, разумеется, здесь это амбивалентный процесс. Использование истории в политике – это целая тема, большая, и по ней тоже уже написана библиотека, но это использование истории в основном состоит из ее криминализации, и, к сожалению, пересечение политики и права (а истоки его довольно давние) привело к печальным последствиям, к криминализации целого ряда ситуаций, которые не должны быть криминализированы. И пример Центральной Европы в отношении использования истории – это печальный пример. Но сегодня мы опять перехватили у них пальму первенства. Украинский фашизм, кста-

ти, это концепт, который конструировался совершенно обдуманно как предвыборная технология уже несколько лет назад, но не для России. Это внутриукраинское изобретение, это не Россия подсказала, а наоборот, это Москва перехватила эту тему и монструализировала её. А вообще это связано с действительно особым понятием национального в Украине. Я 10 лет назад обнаружил, к изумлению для меня, что слово «национальное» там является тревожным, оно вызывает раздражение, иногда страх, но оно не является нейтральным термином. Это связано с серьёзными украинскими культурными проблемами: кстати, там нет понятия «украинский интеллигент», там есть понятие «украинский интеллеktуал», и некоторые из них разрабатывали тему фашизма. А с другой стороны, если фашизм, то это уже несколько другой вопрос. Я думаю, что он есть и здесь, и там, но в какой форме он существует, это уже другой вопрос, во всяком случае, это не там, где размахивают свастиками. Собственно говоря, телеканал «Дождь», мне кажется, не является альтернативой – он является достаточно инерционной попыткой. Т. е. негосударственные СМИ, так называемые либеральные СМИ (хотя либеральными они не всегда являются) находятся на периферии, они не секторны, они работают, в основном, на то, что здесь неправильно было названо креативным классом, которого, естественно, не существует. Трудно сказать, какого больше не существует – среднего или креативного. Вот здесь бы я задумался о степени отсутствия того и другого. Средний класс – это, действительно, медиамиф, ему у нас уже несколько десятилетий, а креативный класс – это просто игра, в которой я сам тоже участвовал. Я не единственный, но я запускал эту бодягу еще из администрации президента. Но рассматривать это как социальную реальность ну просто смешно!

И главное, что сегодня подтвердилось, мы сами себя заставляем всё время обсуждать что-то не то. Не было разбора феномена Майдана в Украине, причем в динамике. Была ли это революция, которая сошла с ума? А с революциями это бывает часто, между прочим, не только социалистические, а либеральные могут тоже сходить с ума. Не было разбора фе-

номена Одессы и одесского пожара: я бы за день до этого сказал, что в Одессе такое невозможно. К сожалению, я даже это успел сказать, когда меня спрашивали, надо ли уезжать из Одессы: в Новороссии сошли с ума, в Одессе нет, до Одессы это не дойдет. То, что произошло в Одессе, на самом деле достаточно легко разбираемо, но этого разбора не было.

Фальк, я должен сказать вам, что трудно сказать, РФ или Германия в большей степени зависят от своих нарративов. Нарратив – это вообще центральный фактор современного мира. Что такое, когда мы говорим, что есть экономический кризис? Это нарратив, простите. А потом мы говорим: похоже, что экономический кризис заканчивается. Это тоже нарратив. Мы выходим из экономического кризиса. Это тоже нарратив. И говорить, что есть некая реальность, а отдельно от неё есть какой-то нарратив, который сочинили злые люди, – это вульгарно, неправильно. И сегодня я не рассматриваю вопрос о вине, но конечно же в этой катастрофе 2014 года, – а я думаю, что эта катастрофа только начинается, она не закончилась, – трудно сказать, кто в большей степени выходит из своих оболщений, европейские страны или Россия. Может быть, Европа быстрее выйдет области своих иллюзий, а может быть и нет, потому что здесь вам нечего не гарантировано, у вас больше возможностей и больше критических площадок для саморефлексии того, что происходит. Но это не гарантирует того, что вы их сможете применить, потому что, конечно, европейская демократия 1989 года – это миф в кубе, европейская бархатная революция – это миф в значительно большей степени, чем миф о российской демократии. И сегодня, когда рушатся эти мифы, хорошо для будущего цивилизации и для морального развития нам начать обсуждать реальность, а не собственные мифы и огорчения по поводу того, что мы с ними расстаемся.

Понимаете, я здесь раздвоен, потому что я ведь тоже технолог и я могу начать обсуждать, как лучше провести информационную войну, но мне кажется, что мы для этого, во-первых, находимся в неправильной компании. Я думаю, что через некоторое время – даже в течение следующего года – будут сформулированы некоторые действительно новые, воз-

можно даже недопустимые операции обращения с медиа и массовым сознанием, с которыми мы столкнулись, считая, что так можно делать. И только после того как они будут названы, мы можем начать обсуждать, какие из них можно криминализовать, а какие считать морально допустимыми. Но сегодня это вопрос теологии.

Геннадий Бордюгов

Благодарю всех за вклад в дискуссию. Наше приглашение обсудить проблему в кругу представителей разных научных школ и идеологических направлений оправдалось, потому что, как и 15, и 5 лет назад, мы в известной степени запечатали отношение экспертов к мифу «Запад», «Запад как враг». Очевидна эволюция, очевидны смена настроений и податливость части экспертного сообщества политической конъюнктуры. Заметно, как мифы снова теснят идеологию, которая, в свою очередь эксплуатирует мифическое. Возникает сразу вопрос, что же все-таки создает новую реальность – рациональное, критическое прочтение сложной международной ситуации или мифы типа, по истории – «просвещенная власть», «власть сильной руки», «Россия единая и неделимая»?

Когда сегодня по-разному трактовался избранный нами миф, никто не опровергал его рукотворность. А если так, если он не дан от природы, традиции, то может подвергаться критике и дешифровке. Правда, есть одна сложность и даже коварство, на которое указал Ролан Барт: миф ничего не скрывает, ничего не демонстрирует, его тактика – не правда и не ложь, а отклонение! А еще – чрезмерность, когда «Запад» демонизируется, хотя совсем недавно многие настаивали на использовании готовых, заемных у Запада установок и моделей управления.

И не будем забывать о том, что миф «Запад» по-разному воспринимается «верхами» и «низами».

Фальк Бомсдорф

Обсуждать мифы и, прежде всего, основной миф – о Западе, о враждебном Западе, конечно, очень нужно. Мне

очень хотелось бы здесь, на нашем Семинаре, заниматься деконструкцией, критикой мифов и особенно этого мифа. И мне кажется, вместо этого, мы, особенно на последней сессии, занимались использованием мифа в политических целях. Две фразы в заключение. Во-первых, действия и занятия политтехнологов имеют, по сути дела, политический характер, а значит, отделять политтехнологов от политиков невозможно. Во-вторых, мне бы хотелось повторить фразу Карла Аймермахера в письме ко мне и Геннадию: Запад – враг? Это миф!

Издания АИРО-XXI в 2013–2014 г.

2013

- Две родины Стивена Козна. Сост. Г.А. Бордюгов, Л.Н. Доброхотов. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 224 с. + ил.
- Крестьянский фронт 1918–1922 гг. Сборник статей и материалов. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 700 с.
- Невольник чести. Путь и судьба Владимира Полютова / Сост.: Т.Б. Григер канд. ист. н., доц., Н.В. Полютова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 152 с. + 52 с. ил.
- “...Ведь не безнадежность перед нами”. Переписка Николая Бухарина и Надежды Лукиной. 1911–1914, 1922 годы. Предисл. – Стивен Козн; вступит. статья – Ж. Артамонова; составление и комментарии – Ж. Артамонова, Е. Суббота. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 320 с. + 4 с. ил. – (Серия «АИРО – первая публикация» / под ред. Г.А. Бордюгова).
- Япония 2013. Ежегодник. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 412 с.
- Федор Кроков.* На Германской войне. На фронте и в тылу. – М.: АИРО-XXI. 2013. – 548 с.
- Япония в Азии: параметры сотрудничества / Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М., АИРО-XXI, 2013 – 312 с.
- Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет / Под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 1520 с.
- Фридрих Фирсов.* 34 года в Институте марксизма-ленинизма. Воспоминания историка. – (Серия «АИРО – первая публикация») – М.: АИРО-XXI, 2013. – 480 с. + 32 с. илл.
- Л.Н. Суворова.* Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком / Л.Н. Суворова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 304 с. – (Серия «АИРО – Первая монография» / под ред. Г.А. Бордюгова).
- А.Ю. Каратеев.* Авиационные инженеры в России и СССР. Подготовка кадров в 1909–1945 гг. / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 368 с. – (Серия «АИРО – Первая монография»).
- С.Н. Чекин.* Старый Буян, Самара, Печорлаг. Повествование врача Трудникова. Составитель и автор предисловия Л.С. Чекин. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 296 с. + 8 с. илл. (Серия «АИРО – первая публикация»).
- М.И. Мельтохов.* Красная армия и несостоявшаяся революция в Германии (1923 г.). – М.: АИРО-XXI, 2013. – 216 с. – (Серия «АИРО – Монография»).
- Валерий Брюсов.* В эту минуту истории. Политические комментарии. 1902–1924 / Составление, вступительная статья В.Э. Молодякова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 312 с. + 4 с. илл. (Серия «АИРО – первая публикация»).
- Л.А. Посадская.* Советская повседневность в художественных текстах (1920-е – 1990-е годы). (Серия «АИРО – монография»). – М.: АИРО-XXI, 2013. – 184 с.
- Евреи. История по Брокгаузу и Бухарину. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 384 с.

- Д.В. Стрельцов.* Япония: политическая модернизация эпохи Хэйсэй. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 280 с.
- В.Я. Гросул.* Общественное мнение в России XIX века. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 560 с.
- Идущий впереди. К 90-летию Гейдара Алиева. – М.: Вестник Кавказа; АИРО-XXI, 2013. – 368 с.
- Современное медиaprостранство Азербайджана. Под ред. Г. Бордюгова. Предисл. А. Рагимова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 416 с. + 36 с. илл.
- Мещера-край: Альм. по истории и культуре Мещерского края / Гл. ред. С.С. Михайлов. М.: Рус. деревня; АИРО-XXI (Б. тип.), 2013. Вып. 3. 320 с. – (АИРО – Рос. провинция).

2014

- М.Н. Мосейкина.* У истоков формирования Русского мира. XIX – начало XX века. Том 1 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетей, 2014. – 392 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-236-0.
- З.С. Бочарова.* Феномен зарубежной России 1920-х годов. Том 2 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетей, 2014. – 408 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-238-4.
- З.С. Бочарова.* Русский мир 1930-х годов: от расцвета к увяданию зарубежной России. Том 3 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетей, 2014. – 336 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-240-7.
- А.В. Антошин.* На фронтах Второй мировой и «холодной» войн: русские эмигранты в 1939 – начале 1950-х гг. Том 4 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетей, 2014. – 376 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-242-1.
- А.В. Антошин.* От Русского Монмартра – к Брайтон-Бич: эволюция Русского мира в 1950-е – начале 1980-х гг. Том 5 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетей, 2014. – 376 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-244-5.
- Г.А. Бордюгов, А.Ч. Касаев.* Русский мир и Россия: формирование нового типа отношений. 1986–2000 гг. Том 6 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетей, 2014. – 352 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-246-9.
- В.В. Агеносов.* Восставшие из небытия. Антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетей, 2014. – 736 с.; илл. – ISBN 978-5-91022-230-8. – ISBN 978-5-90670-527-3
- Л.В. Совинский.* В зеркале времени. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 592 с. + 32 с. илл.
- Война и мир в новой и новейшей истории России. (К 100-летию начала Первой мировой войны). Сб. ст. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 252 с.

- Всё остается людям. Анатолий Котеленец: к 100-летию со дня рождения / Составители: Е.А. Котеленец, Т.А. Котеленец, О.Б. Беляков. М.: АИРО-XXI, 2014. – 112 с. + 28 с. илл.
- В.Я. Гросул.* Труды по теории истории. – М.: АИРО–XXI, 2014. – 548 с.
- Татьяна Филиппова, Пётр Баратов.* «Враги России». Образы и риторики вражды в русской журнальной сатире Первой мировой войны. – (Серия «АИРО – монография») – М.: АИРО-XXI, 2014. – 272 с. + 88 с. илл.
- Юлия Сидур – Карл Аймермахер. «Время новых надежд...». Переписка 1986–1992 / Обработка текста Владимира Воловникова. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 512 с., илл. – (Серия «АИРО – первая публикация в России» / под ред. Г.А. Бордюгова).
- А.В. Венков.* Донская армия в борьбе с большевиками в 1919 – 1920 гг. – М.: АИРО–XXI. 2014 (Серия «АИРО–монография»). – 440 с.
- И.Б. Белова.* Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. – (Серия «АИРО – монография») – М.: АИРО-XXI, 2014. – 432 с. + 16 с. илл.
- Владимир Александрович Невежин. Биобиблиографический указатель. Сост.: Е.С. и М.С. Сапрыкины. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 128 с.
- Торгово-промышленные палаты и биржевые комитеты России в годы Первой мировой войны / Предисл. С.Н. Катырина. – М.: ТПП РФ; АИРО-XXI, 2014. – 432 с.; илл.
- Н.Г. Смирнов.* Рапава, Багиров и другие. Антисталинские процессы 1950-х гг. / Рукопись подготовлена к печати С.Н. Смирновым. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 368 с. + 12 с. ил. – (Серия «АИРО – первая публикация» / Под ред. Г.А. Бордюгова).
- Г.А. Бордюгов. Биобиблиография. Сост. А. Макаров, О. Пруцкова, С. Щербина. Предисл. Дм. Андреев. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 192 с. + 16 с. ил.
- Юрий Штридтер.* Плутовской роман в России: к истории русского романа до Гоголя. Перевод с немецкого Валерия Брун-Цехового и Даниила Бордюгова – (Серия «АИРО – первая публикация в России» под ред. Г.А. Бордюгова) – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетей, 2014. – 416 с.
- Политическая полиция Российской империи между реформами. От В.К. Плеве до В.Ф. Джунковского. Сборник документов / Вступительная статья, составление и комментарии – Е.И. Щербакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетей, 2014. – 352 с. – (Серия «АИРО – первая публикация» / Под ред. Г.А. Бордюгова).
- Япония 2014. Ежегодник. – М.: «АИРО–XXI», 2014. – 340 с.
- Японское общество: изменяющееся и неизменное / Рук. проекта Э. В. Молодякова. – М., АИРО-XXI. 2014. – 300 с.

С этими и другими изданиями
вы можете подробнее ознакомиться на нашем сайте
www.airo-xxi.ru

«ЗАПАД КАК ВРАГ»:
реанимация исторического мифа
или новая реальность?
Материалы Семинара 22 октября 2014 г.

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

ISBN 591022280-5

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 09.12.2014
Формат 60×84/16. Усл. изд. л. 8,0
Тираж 500 экз. Зак.